

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕРЕЛОМ
1917
ГОДА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2017

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15-34-12003, не подлежит продаже*

Рецензенты

доктор филологических наук В.А. Келдыш
доктор филологических наук О.А. Клинг

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 864 с.

В первой части книги — «Исследования» — представлен ряд проблемных статей, осмысляющих деятельность русских писателей в новых институциях, культуртрегерских и студийных начинаниях ранних советских лет; неизвестные страницы истории отечественной периодики революционной поры; сдвиги в восприятии классического отечественного литературного наследия, обусловленные историческим словом 1917 года; мотивно-образную динамику в литературных отражениях исторических событий; перенос модернистских моделей и духовных практик на новую культурную почву и т.п.

Во второй части — «Материалы и публикации» — в числе прочего впервые с научным аппаратом даны фундаментальные своды малоизвестной публицистики Д. Мережковского и Вс. Иванова, неизвестные архивные материалы В. Брюсова, Л. Андреева, В. Муравьева и др., цикл статей «На Перевале» А. Белого, а также источники, раскрывающие его деятельность во «Дворце Искусств», неизвестная инсценировка поэмы Блока «Двенадцать», обзор франкоязычной критики Андрея Левинсона, посвященной литературно-революционным сюжетам, документы антропософов раннего советского периода и мн.др.

Книга рассчитана на исследователей-филологов и представителей иных гуманитарных дисциплин, а также широкий круг читателей, интересующихся современным научным осмыслением темы «Русская революция 1917 года и литература».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
В ПРОЕКТАХ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
«ДВОРЕЦ ИСКУССТВ» (1919–1920)

В статье впервые на материале архивных и публицистических документов реконструируется история участия писателя Андрея Белого в одном из крупнейших культурных начинаний Советской эпохи — «Дворце Искусств». В приложениях к статье впервые публикуются архивные источники: программы заседаний Археологического отдела, списки членов Литературного отдела, отчет о деятельности за 1919–1920 гг., составленный И.С. Рукавишниковым, корректуры неизвестной статьи-отчета Андрея Белого о митингах «Дворца Искусств».

The article reconstructs the story of Andrej Bely's participation in one of the largest cultural undertakings of the Soviet era — the "Palace of Arts". In appendixes some archival sources are published for the first time: the programs of the Archaeological Department meetings, compiled by Andrej Bely; report on the activities for 1919–1920, compiled by I.S. Rukavishnikov; proofs of an unknown article-report by Andrei Bely on meetings of the "Palace of Arts".

Ключевые слова: Андрей Белый, «Дворец Искусств», А.В. Луначарский, И.С. Рукавишников.

Keywords: Andrej Bely, Palace of Arts, Anatolij Lunacharskij, Ivan Rukavishnikov.

«Автобиографические своды» Андрея Белого со всей очевидностью демонстрируют, насколько сложна реконструкция писательской биографии. Повседневная жизнь Белого в первые пореволюционные годы была особенно интенсивна: лекционные курсы лекций для закрытого антропософского кружка на протяжении 1917–1920 гг.; заседания в ТЕО и ЛИТО Наркомпроса; лекции в Пролеткульте, «Академия духовной культуры», «Дом Искусств» и Вольфила в Петрограде, студии по стиховедению, участие в публичных диспутах и поэтических вечерах; интенсивная творческая работа: роман «Записки Чудака», «Путевые заметки», «Глоссолалия», замысел издания собрания сочинений, цикл «Кризисов». Зимой 1919 г. к этому добавилось и участие в мероприятиях вокруг «Дворца Искусств». Подытоживая свою работу за 1920 г., Белый записал в «Ракурсе к дневнику»: «20-й год — год максимального лекционного и общественного напряжения; никогда я так бешено не работал; если счесть лекции, рефераты, диспуты и заседания, в которых я принимал активнейшее участие, то сумма их составит: 163 активных общественно-лекционных занятых дней <...> Одних лекций мной прочтено за этот год: 71; председательствовал: 20 раз; участвовал в заседаниях: 43 раза; выступал на диспутах в прениях 38 раз» [Белый 2016, с. 463].

Московский «Дворец Искусств» — детище Наркомпроса, и его структура изначально была ориентирована на сотрудничество творческой интеллигенции с властью Республики Советов. Важную роль в построении идеологического моста между представителями интеллектуальной и творческой элиты Императорской России и пролетариатом сыграла личность харизматического лидера Наркомпроса А.В. Луначарского. Нарком в полном смысле представлял собой тип новой интеллигенции, «революцией мобилизованной и призванной» нести просветительские идеи в пластичный и восприимчивый массив пролетарской культуры. Находившийся в начале 1900-х в модернистском культурном поле и посещавший петербургскую «Башню» Вяч. Иванова, после революции 1917 г. Луначарский представляется гениальным «мобилизатором» идеологической системы Советской власти. Согласно его замыслу, организационная структура «Дворца Искусств» типологически должна была быть ориентирована на систему Наркомпроса (с 1917 по 1918 г. там были театральные, музыкальные, художественные, литературно-издательские отделы, и последним был образован отдел охраны памятников старины) [Жуков 1985, с. 48–52; Кончин 1988, с. 95–96] и также состояла из 4-х секций: литературной, изобразительных искусств, или художественной, историко-археологической и музыкально-театральной. Участники секционных заседаний Наркомпроса неизбежно вовлекались в работу подведомственного ему «Дворца Искусств», зачастую оказываясь лекторами и руководителями отделов. По сообщению исследователя, «Московским Дворцом Искусств руководил комитет, опиравшийся на инициативную группу. Кроме заведующего Дворцом Искусств И.С. Рукавишника, в нее входили известные поэты, писатели, художники, критики: Андрей Белый, Вяч. И. Иванов, М.В. Крицкий, П.В. Орешин, Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, А.С. Серафимович, В.Ф. Ходасевич, Г.И. Чулков, В.Г. Шершеневич, К.Ф. Юон и другие — всего более 30 человек» [Евстигнеева 1996, с. 118].

«Дворец Искусств» располагался в особняке графа Соллогуба на Поварской улице (ныне Поварская, д. 52). Здание было национализировано, после Революции 1917 г. его некоторое время занимал Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, затем, с 1919 по 1921 г., это место было отдано культурно-просветительному центру при Наркомпросе — «Дворцу Искусств». Заведующим утвердили поэта и писателя Ивана Сергеевича Рукавишника, выходца из старообрядческого купечества, получившего известность после публикации романа «Проклятый род». По воспоминаниям современников, это был карикатурный образец декадентствующего оригинала, слывшего большим чудаком: женатый на циркачке Нине Зусман, он всячески поддерживал развитие циркового искусства и даже сам читал стихи, гарцуя на лошади по цирковой арене; будучи приверженцем символистского мистического жизнестроительства и проявляя интерес к оккультизму, в послереволюционные годы собрал вокруг себя представителей русского символистского движения, однако был не чужд новейшим веяниям в поэ-

зии — архитектоника его стихов отличалась футуристическими изысками [Цветаева 1992; Ходасевич 2016, с. 279–282].

Атмосферу этого просветительского конгломерата и личность его руководителя Андрей Белый блестяще характеризует в письме Иванову-Разумнику от 26 августа 1919 г.:

Оставшись без места, я был вынужден сосредоточиться во «Дв<орце> Ис-к<усств>» — смесь «Луначарии» с «Ндраву моему не препятствуй» всегда пьяного Ивана Рукавишников, который располагает на словах миллионы для помощи писателям, для печатания их книг, для содержания их и приюта во «Дв<орце> Искусств», пока же он приютил в оном «Дворце» сам себя и выпустил книгу стихов «Ивана Рукавишников»; лекторам — задерживаются деньги; Ив<ан> Серг<еевич> заявляет в качестве распорядителя и заведующего: «Я враг порядка и... оккультист!» Можете себе представить, что творится в сем Учреждении? Кажется, всем заведует его супруга — комиссар цирков; на сем основании, кажется, «Дв<орец> Ис<к>ус<т>в» вступил в какие-то особые отношения с цирками. Мне предложили организовать курсы, да и вообще, так себе, посматривать за всем и за вся — во все входит за 1400 рублей в месяц; попробовал я раза 3 пойти на службу, и всякий раз возвращался, точно ободранный: присматривать «за всем и за вся» невозможно. Я понимаю, что Анат<олий> Васильевич приезжает туда вдохновляться поэт<ическим> творчеством, пишет там «мистерию» и, кажется, занимается «хиромантией» («хиромантия» там процветает: М-ме Рукавишников, комиссар московских цирков, — «хиромантка», а Рукавишников собирается ввести курс лекций «херософия») [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 178–179].

Справедливо было бы отметить, что, судя по финансовым сметам, Рукавишников приложил огромные усилия к содержанию этой гигантской и разношерстной махины; людей в те голодные годы прежде всего привлекало теплое жилье и питание, а именно этого и удалось добиться заведующему «Дворцом Искусств» (см. прилагаемую смету). Однако и Белый был во многом прав: организация работы во «Дворце Искусств» и в самом деле носила сумбурный характер, поэтому представляется, что первоочередная, хотя и затруднительная задача — восстановить содержательную программу работы отделов и последовательность ее реализации. Сведения о функционировании «Дворца Искусств» мы можем почерпнуть из периодических изданий («Известия», «Правда», «Вестник театра», анархистская «Жизнь и творчество русской молодежи»), регулярно размещавших объявления о предстоящих мероприятиях, однако эти сведения далеко не полны: зачастую мероприятия организовывались непосредственно в день исполнения, и в газеты просто не успевали передать анонс предстоящих событий. Сохранились такие объявления, написанные от руки, на клочках бумаги со следами прикрепления кнопками к стенам «Дворца» (фонды ИМЛИ).

Проект организации «Дворца Искусств» обсуждался с конца 1918 г. В фонде Белого в РГБ сохранилась адресованная ему повестка¹ от 24 дека-

бря с приглашением на заседание инициативной группы по формированию. Уже с февраля 1919 г. культурно-просветительный универсум «Дворца Искусств» плотно вплетается в повседневный писательский быт, пока только организационными заседаниями; в своем «Ракурсе к дневнику» Белый отмечал: «Охватывает тот же круг, или круги забот: «А<нтропософское> О<бщество>»; «Лито»; «Союз писателей»; «Двор<ец> Искусств»; «Пролет-Культ»» [Белый 2016, с. 449].

Первый публичный вечер «Дворца Искусств» — «Я, мы и вы в искусстве» был открыт 1 марта вступительным словом Рукавишникова². 3 марта 1919 г. Белому было выдано удостоверение за № 107, которое гласило: «Настоящим удостоверяем, что товарищ Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) состоит членом Инициативной группы Дворца Искусств, что на основании §7 Устава дает ему право на звание сотрудника»³. И уже следующей повесткой Наркомпрос извещал, что 15 марта в 6 часов вечера состоится организационное общее собрание Литературного отдела; в порядке заседания были намечены выборы Президиума и редколлегии⁴.

Вероятно, в первой половине марта Белый выступил во «Дворце Искусств» с ключевой лекцией «Пути исторических культур» [Белый 2016, с. 451]⁵. Лекция была прочитана не для широкой аудитории, в газетах не анонсировалась (у нас есть лишь свидетельство самого Белого в «Ракурсе к дневнику» и сохранившийся конспект лекции, см. Приложение 1), что неудивительно, учитывая ее содержательную часть. Белый представил свое собственное, антропософское и утопическое, понимание всемирно-исторического смысла культуры как последовательного развертывания — в исторической перспективе — самосознающего субъекта в его соотношении с коллективом, указав на один из первых идеалов на этом пути — *Civitas Solis* — «Город Солнца» Кампанеллы [Глухова 2015]. Именно в утопии Кампанеллы Белый видит искомую модель идеального государства, которое есть Храм человечества, состоящий, в свою очередь, из Храма Космоса внутри каждого индивида. «Культура есть христианство: христианство — религия самосознающего Я. Таков взгляд на культуру Антропософии: культура есть Антроподицея, сочетающая Теодицею с Космодицеей. В уразумении этого — пути культуры» [Белый 1999, с. 536].

Первым крупным публичным мероприятием, организованным «Дворцом Искусств», был диспут по докладу А.В. Луначарского «Абсолютный покой Бога как основная ошибка мистиков»⁶. Этот доклад, а также прения и дискуссию Белый подробно законспектировал в личном дневнике [Белый 2016, с. 678–680], а затем воспользовался им для написания хроникального отчета, вероятно, предназначенного для периодического издания (сохранились корректуры и рукопись)⁷: «27-го марта утром был в “Книгоиздательстве Писателей”. <...> Зашел оттуда во “Дворец Искусств”. Узнал, что мы с Рукавишниковым должны ехать в 7 часов на чествование Горького от “Дворца Искусств”. За нами должен был заехать Луначарский в автомобиле, чтобы

всем после вернуться на реферат. <...>. В 9 часов Луначарский начал свой доклад: читал бойко и живо» [Белый 2016, с. 673].

29 марта был объявлен первый организованный «Дворцом Искусств» «митинг искусств»; это начинание вскоре приобрело широкую популярность и собирало, как правило, огромные толпы. В прессе сообщалось, что на митинге должны были выступить А. Луначарский, В. Немирович-Данченко, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, И. Рукавишников, П. Коган, Ю. Балтрушайтис, А. Белый, Р. Ивнев, Г. Чулков, П. Иванов, Н. Машковцев, Н. Фореггер, А. Топорков, Г. Колобов⁸.

Дневниковые записи Белого подробно фиксируют его выступление на митинге: «...утром ходил во “Дворец Искусств”. И.С. Рукавишников жалуется, что ему одному трудно, что он — швейцар: просит меня организовать курсы “Дворца Искусств” <...>; ждали Луначарского, который должен был за нами заехать, чтобы везти на митинг: Рукавишникову надо было открывать раньше, и мы с ним поехали на извозчике; встретили автомобиль Луначарского, ехавшего за нами во “Дворец Искусств”. Приехали в Политехнический Музей: публика, оказывается, в нетерпении: ее видимо-невидимо; тысячи 1500–2000 народу. Лекторов — почти никого. Пустили начинать меня; я — очень обрадовался <...>» [Белый 2016, с. 678]. Подробный обзор содержательной части митинга был помещен и в наркомпросовском «Вестнике театра»:

Митинг искусств, устроенный «Дворцом Искусств» в Большой аудитории Политехнического музея в субботу, 29 марта, прошел с громадным успехом. <...>

Митинг открыл Андрей Белый, высказавший очень остро ряд афоризмов о поэтическом творчестве. Взяв за исходный пункт своих построений афоризм Гёте «Поэзия есть зрелая природа», Андрей Белый очень художественно, выразительно и ярко утвердил и вознес новый афоризм, являющийся по существу лишь развитием Гётевского афоризма: «Природа есть лишь ярко пропетая песнь». Между наукой и поэзией, по существу, нет разрыва, ибо свободная действительность есть слово, а звуковое воссоздание мира есть речь. И именно потому, что Гёте создал световую теорию, он мог написать Фауста. Последнее дерзновение поэзии — из искусства родить разнообразие природы, которое по существу есть лишь уплотнение наших грез и мифов в физическом плане.

<...> А.В. Луначарский утвердил основные положения: «Искусство нужно для жизни и жизнь нужна для искусства... Искусство, жизнь мысли и проблемы социального творчества — вот три момента, ради которых и стоит жить...»

<...> После выступления Топоркова, указывавшего на неизбежность и необходимость возвращения к классическому монументальному искусству, взял слово К.Д. Бальмонт. Выступление поэта встретили бурные протесты, и только угроза председателя митинга И. Рукавишникова закрыть собрание, если аудитория не даст окончить оратору речь, дала возможность К.Д. Бальмонту сказать несколько слов о том, что для него не существует разделения искусства на буржуазное и пролетарское... Заключительным аккордом прозвучала речь Плетнева, оспорившего тезис Бальмонта

о «едином искусстве» на примерах из творчества Э. Верхарна и А. Гастева [На митинге искусств 1919]⁹.

Белый в свою эпоху относился к числу немногих, кто имел представление об идеальном лекторе как о сердцевине аудитории: «<...> лектор — должен быть для аудитории экспериментатором процессов сознания, в ней протекающих»¹⁰. Такой подход складывался в результате его многообразного опыта чтения лекций перед разными аудиториями после Революции; Белый выступал особенно много и охотно — им были прочтены целые лекционные курсы как в советских учреждениях (Пролеткульт, Дом Искусств), так и для антропософов¹¹. Реакция на публичные выступления Белого 1900-х гг. описана, например, в воспоминаниях Н. Валентинова: «Мы <...> слушали его как замороженные. Встретив начало ее с улыбкой, перешли к удивлению, к разинутому рту» [Валентинов 2000, с. 59]. О его исполнительском таланте можно судить по многим воспоминаниям и рецензиям, например: «Эти жесты Андрея Белого... Они поражают вас прежде всего. Каждый из них — это воплощенная мысль. Мысль в жесте» [М.З. 1916]. Белый обычно чувствовал себя свободно перед большой аудиторией, в том числе враждебно настроенной (на лекции «Одна из обителей царства теней» советская молодежь долго не давала ему говорить свистом); его лекции иногда производили сильнейшее впечатление, например, жизненный путь М. Жемчужниковой, если судить по ее воспоминаниям, кардинально изменился от прослушивания «Жезла Аарона» [Жемчужникова 1988, с. 13–15].

Упомянутая выше экспромтная речь перед огромной аудиторией Политехнического музея, законспектированная писателем в дневнике, интересна с точки зрения структуры: сначала тезис, затем по спирали — его разворачивание с повторами, модуляциями и возвращением основной темы; она напоминает сонатную форму или принцип «блюзового квадрата» (так же как «Симфонии» Белого являются пробой воспроизведения в слове симфонической формы). В экспромте, законспектированном Валентиновым, исходным пунктом является замечание о калоше, которую Белый забыл снять; от калоши Белый переходит к марксизму, в середину вписано множество идей, идеологий и образов — и финальным аккордом звучит упоминание о той же калоше. Его лекция перед аудиторией Политехнического музея в 1919 г. выстроена аналогично, но «темой» служит афоризм Гёте: «Поэзия — зрелая природа».

Если Белый говорил не экспромтом, а составлял план выступления (служивший одновременно афишей или программкой; сохранились его проекты таких программ с собственными рисунками), то пункты этого плана часто являются такими же образными темами для вариации; таковы первые наброски плана «Жезла Аарона» или сохранившийся набросок лекции «Живое слово» (ср. «Ганимед и орел», «Мартиника сознания») [Глухова 2011]. Только в написанных специально для выступления курсах лекций полностью подключается дис-

курсивный порядок изложения, однако спланированному Белый следовал не всегда (ср., например, заранее написанный набросок лекций в ГЭКТЕМАСе¹² и список реально прочитанных лекций в реестре «Себе на память» [Белый 2016, с. 741–742]). Характерна описанная в письмах к Иванову-Разумнику мемориальная лекция о Есенине, когда Белый вместо запланированного произнес экспромт привычного типа [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 572–574].

После митинга искусств в Политехническом музее на 31 марта был назначен доклад П.К. Иванова «Искусство балета»¹³. Затем в течение апреля Белый получал приглашения на мероприятия «Дворца Искусств», хронологию которых в самом общем виде можно восстановить; например, на четверг, 3 апреля, был объявлен диспут на тему «Современные кумиры», докладчиком выступал Алексей Константинович Топорков, философ из круга «Музагета», неизменный сотрудник журналов «Логос» и «Труды и дни», один из сторонников идеи славянского возрождения [Немов 1915; Хоружий 1992, с. 24–48]. 5 апреля был объявлен «субботник»: «пение, музыка, авторское рисование с живой модели». Не исключено, что к этому или другому «субботнику» можно отнести записку, отложившуюся в архиве Белого:

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Иван Сергеевич Рукавишников убедительно просит прийти на минутку во «Двор<ец> Иск<уств>» прочесть стихотворение, а то субботник вышел без авторского чтения. Ждем!!

С уваж<ением> И. М. Мурашов¹⁴.

До августа 1919 г. Белый проживал совсем неподалеку — на Садово-Кудринской, д. 6, — снимая угол в квартире семьи Михаила Сизова, поэтому такую записку ему вполне мог доставить мальчишка-посыльный. В конце апреля Рукавишников отправил по тому же адресу еще две записки:

Борис Николаевич. Секция Театрального образования запрашивает Вас не можете ли Вы прочесть доклад на съезде рабоче-крестьянского театра 27 апреля на тему «Психологическое происхождение слова». Если согласны, то приходите в субботу в 11 час. дня в Театр<альный> отдел¹⁵.

Мы с Вами читаем стихи в ближайшее воскресенье у студентов и курсисток, Зубовская площадь, угол 1-го и 2-го Неопалимовского, № 9. Простите, что дал за Вас согласие. Мы только двое — потому нельзя обмануть. Хорошо? Привет, Иван Рукавишников¹⁶.

Надо сказать, что следов участия Белого в этих мероприятиях нами не обнаружено.

В понедельник, 7 апреля, Рукавишников читал свою пьесу «Мельница», в повестке сообщалось, что намечено «обсуждение постановки пьесы в цир-

ках и балаганах». Язвительный Ходасевич оставил курьезное воспоминание о чтении этой пьесы в Кремле, на одном из великосветских раутов у О.Д. Каменевой (судя по всему, в конце 1918 — начале 1919 г.):

Во второй пьесе дело происходило на мельнице, где живет разная нечистая сила и между собой разговаривает. Есть на мельнице inferнальный кот. Он не говорит, но на протяжении всей пьесы то и дело кричит «мяу». Луначарского давно уже нет на свете, и как-то неловко сейчас вспоминать его долгое, звучное, истомное мяукание с руладами. Но тогда было невыносимо смешно смотреть, с каким артистическим увлечением мяукал министр народного просвещения. И главное — невозможно было отделиться от забавной мысли о том, как он это мяуканье репетировал, — может быть, вместе с автором. <...> Всем было ясно, что для советского театра вся эта вычурная декадентщина не подходит и что пьесы читаны только для того, чтобы потешить авторское самолюбие Рукавишникова. Поэтому разговор сразу принял общий характер. Большевики говорили что-то большевистское, но некстати, потому что какие же классовые интересы у мельничной нечисти? Потом сам Луначарский произнес что-то длинное и красивое, с разными звучными именами — вплоть до Агриппы Неттестеймского [Ходасевич 2006, с. 285–286].

На 17 апреля был запланирован, а после перенесен на 5 мая доклад литературного критика, прозаика, публициста Н.Я. Абрамовича «Личность поэта и история поэзии» («опшонируют В.Н. Карякин и желающие из присутствующих»). На 28 апреля была назначена лекция литератора Марка Криницкого (псевдоним Михаила Владимировича Самыгина) «Жизнь слов» — судя по сохранившимся в фонде Белого тезисам, это пересказ основных положений его прежней книги «Курс теории и техники сочинения» (М., 1912).

К началу мая 1919 г. Белый по просьбе Рукавишникова помог ему организовать лекционные курсы, о чем и сообщалось в центральных газетах:

С 1-го мая открыта запись на вечерние курсы Литературного Отдела «Дворца Искусств», Поварская, 52, от 10 до 4 ч. дня.

Читают следующие лекторы: Андрей Белый — «Теория слова»; М.О. Гершензон — «Эпоха Пушкина»; Вячеслав Иванов — «Эллада»; Иван Рукавишников — «Жизнь и творчество»; А.Топорков — Каллистика («теория искусства»); Н. Абрамович — «Претворение творчества в жизнь»; В. Карякин — «Французская и бельгийская литература»; В. Волькенштейн — «Драматургия». Курс — два месяца. Плата — 25 руб. Справки и разъяснения можно лично и по телефону 1–85–51. В скором времени откроется запись на курсы Историко-Археологического отдела и отдела Изобразительных Искусств.

В субботу, 3-го мая, в 8 ч. веч., там же, во «Дворце Искусств» состоится «вечер Гречанинова»; романсы и песни под аккомпанемент автора исполнят: Анна Эльтур, Н. Обухова и др. Начало в 8 ч. веч., вход членам «Д.И.» бесплатно с правом ввести трех лиц с платою 10 руб.

Вчера во «Дворце Искусств» состоялся интересный вечер поэтов, посвященный «празднику труда», читали новые свои стихи поэты: К. Бальмонт, Иван Рукавишников, Сергей Есенин, Л. Копылова, М. Цветаева, Пимен Карпов, Ашукин и др.¹⁷.

3 мая газета «Вечерние известия» уточняла список лекций и состав лекторов: «русская литература — Г. Чулков, С. Яхонтов; Западноевропейская литература — К. Бальмонт, В. Карякин; Древняя литература — Вяч. Иванов; Теория искусства — А. Топороков; Творчество и жизнь — Ю. Балтрушайтис, С. Бобров, Н. Абрамович и др. Занятия откроются лекцией Вячеслава Иванова “Эллада” (Древняя Греция)».

Начало занятий выпало на июль, о чем сообщали газеты: «Открытые 1-го июля курсы по истории и теории литературы и художественного творчества при литературном отделе Дворца Искусств привлекли более двухсот курсантов, которые ревностно посещают лекции. Особенным успехом пользуется курс Вяч. И. Иванова»¹⁸. Встречи участников писательского цеха «Дворца Искусств» продолжались в июле докладом А.К. Топоркова «Поймандр Гермеса Трисмегиста» и чтением А.В. Луначарским своей пьесы, «новой драматической фантазии» (как характеризовали ее в газетах) «Митра-спаситель»¹⁹. Эта пьеса так и не была опубликована, являясь второй частью трилогии (1-я, по мотивам русской сказки, «Василиса Премудрая» (1918) — в ее мистико-романтической интерпретации — впервые была опубликована в переводе на английский только в 1922 г., с предисловием автора). Николай Ашукин, поэт и неизменный участник мероприятий «Дворца», записал в дневнике: «Слушателей было много (чтение происходило во дворе), большей частью молодежь. Старые писатели блистательно отсутствовали. Впрочем, были Вяч. Иванов и Юргис Балтрушайтис» [Литературная жизнь 2005, с. 424]. Другой современник эпохи, театровед А.В. Февральский, активный слушатель Луначарского и завсегдатай пореволюционных культурных урочищ, замечал: «На драматургии Луначарского видно сильное влияние гётевского “Фауста” с его глубочайшей философской символикой и размахом фантазии наряду с подлинной реалистичностью. Недаром Луначарского влекло к образу Фауста, самостоятельной разработке которого он посвятил одну из своих пьес» [Февральский 1976, с. 28–29]. Сфера личных пристрастий интеллектуала Луначарского к истории оккультизма, нищестанству и дионисизму, идеям панпсихического монизма, его способность сопрягать и адаптировать модернистский пафос мистического преобразования личности с груншлиней строительства социалистической Революции — во многом объясняют ту крайнюю степень политической лояльности, которую он проявлял, приглашая к сотрудничеству в отделениях Наркомпроса (или же сознательно попустительствуя?) тех, чьи религиозные и мировоззренческие идеалы далеко не соответствовали советской идеологии. Так, на службе (или вокруг) Комиссариата Просвещения оказались поэты-символисты Валерий Брюсов, Юргис Балтрушайтис, античник, философствующий диониси-

ец Вяч. Иванов, писатель-мистик и антропософ Андрей Белый, а также его антропософское окружение: искусствовед и антропософ Трифон Трапезников²⁰, египтолог и розенкрейцер Владимир Викентьев²¹, библиограф, историк и антропософ Алексей Петровский, художница и антропософка Маргарита Сабашникова, поэт и антропософ Николай Белоцветов²², семья антропософа, тамплиера и розенкрейцера Михаила Сизова и др.

Ближе к августу интеллектуальная и культурная жизнь при «Дворце Искусств» значительно оживляется, на 24 июля были намечены первые лекции курса Сергея Боброва «Стихovedение»²³ (в 7 часов вечера) и лекция Абрамовича «Достоевский» (в 8 часов вечера)²⁴. Белого назначили заведующим студийными курсами, и 24 июля писатель принимал участие в заседании, посвященном проблемам образования, что следует из сохранившейся повестки: «В четверг, 24-го июля, в 3 ч. во Дворце Искусств, Поварская, 52, состоится дискуссия по вопросу о значении изобразительных искусств в школьном и внешкольном образовании. Участвуют: В. Иванов, Балтрушайтис, А. Белый, А. Луначарский, Лентулов, Машковцев, Милиотти. — Члены Д.И. входят по повесткам с правом ввести трех гостей бесплатно»²⁵.

Насыщенной событиями была и музыкально-артистическая жизнь: на 25 июля объявлялся «музыкальный вечер с участием поэтов и артистов», а на следующий день — «вечер при участии Жана Нягу²⁶ (скрипка) и новатора Аристарха Климова²⁷ (звукопластика)»; 1 августа анонсировался «Бетховенский сонатный вечер» при участии скрипача А.Я. Могилевского (1885–1950) и пианиста М.Н. Мейчика (1880–1950), который в 1919–1921 гг. был директором Института музыкальной драмы.

В июне-июле проходила художественная выставка, где было представлено «около двухсот полотен сорока художников, членов Дворца Искусств. Не являясь партийной, выставка довольно разнообразна по течениям, представленным на ней. Кроме живописи и графики, на выставке есть несколько очень интересных скульптурных работ тов. Коненкова. На выставке перебывало свыше трех тысяч человек»²⁸. Характерно, что в справочном издании «Дворец Искусств», «помещающийся в прекрасном особняке на Поварской, устраивающий лекции, вечеринки, выставки, объединивший в своей секции изобразительных искусств почти всех художников Москвы», упоминается в том числе и как заведение «клубного и профессионального характера» [Красная Москва 1920, стб. 579].

На протяжении июля и августа на Поварской, 52 проходили поэтические вечера, в которых принимали участие поэты самых разных школ и направлений: Д. Туманный [Н.Панов], Т. Мачтет, С. Буданцев, М. Нетропов, А. Мареев, Р. Рок [Р.Ю. Геринг], И. Рукавишников, М. Цветаева, Л. Копылова, Н. Рудин [Литературная жизнь 2005, с. 417, 425, 427]. Газеты сообщали, что на субботу 9 августа назначен вечер поэзии Владислава Ходасевича, 10 августа — вечер поэзии Константина Большакова; 11 августа Андрей Белый читал отрывки из романа «Записки Чудака»; на 12 августа была назначена

первая лекция К.Р. Эйгеса из курса «Философия и история музыки»²⁹; 14 августа — доклад-диспут Гросман-Рощина «Философия творчества Г. Гейне». Тематика последнего диспута запомнилась Белому, хотя нам в точности неизвестны ни подробности обсуждения, ни содержание самого доклада; тем не менее Белый дважды зафиксировал в автобиографических записях: «Участие в диспуте “Дворца Искусств” о Лермонтове <не Гейне! — Е.Г.>: возражаю Рощину-Гросману» [Белый 2016, с. 452, 716].

26 августа, в связи с глухо упоминаемым в «Ракурсе» «инцидентом с Сизовым» в Антропософском обществе³⁰, Белый переезжает из квартиры на Садово-Кудринской к Васильевым, в 1-й Неопалимовский переулок, «где занемог нервным переутомлением и чем-то вроде “дизентерии”» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 178]. Упомянутые события, вероятно, и послужили причиной тому, что в сентябре он мало участвовал в заседаниях, особо отметив в своих записях лишь беседу со студийцами, а вскоре и совсем перестал бывать во «Дворце Искусств»: «бросаю курсы его». В сентябре того же года искусствовед Н.Г. Машковцев³¹ помог писателю устроиться на службу в музейный отдел Наркомпроса, где ему поручили сбор материалов по истории коллекций в эпоху французской революции. Иванов-Разумник, которому Белый неоднократно жаловался на свою службу у Рукавишникова, с сочувствием замечал в письме от 17 сентября: «Мне вчуже страшно стало, когда я представил себе “херософию” нелепого Ивана Рукавишникова, разыгрывающего в московском Доме Искусств (или “Дворце”?) роль культурнейшего *prince des lettres* — точь-в-точь как М. Горький в Петербурге. И отчего это всегда наименее культурные духовно люди всегда так рыцарствуют за культуру? Фатальный признак ее кризиса и *facies hippocratica*. И Вы, принужденный работать с этим “херософом” — или служить изо дня в день в каком-то «Отделе» от 10<-ти> до 4-х» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 179].

Вплоть до декабря Белый, вероятно, не принимал участия в мероприятиях «Дворца искусств»; между тем анонсированные еще в мае курсы лекций продолжались, во всяком случае, «Каллистика» Топоркова была объявлена на 13 декабря, лекция Ю. Айхенвальда о Достоевском — на 15-е. Заявленный Белым курс по «Теории слова» — по названию практически совпадающий с курсом «Теория художественного слова» [Белый 2015], прочитанным в Пролеткульте весной того же года, — во «Дворце Искусств» не состоялся.

В помещении 2-го Государственного цирка (бывшего Никитиных) на 14 декабря был намечен (и затем перенесен на 21-е) «митинг искусств» под председательством А.В. Луначарского; объявлялось также об участии К. Бальмонта, А.И. Южина-Сумбатова, В.И. Немировича-Данченко, Вяч. Иванова, А. Белого, В. Полонского, И. Рукавишникова, В. Фриче, М. Эйхенгольца и др. Белый был приглашен специальным письмом:

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Дворец Искусств устраивает 14-го декабря, в воскресенье от 3–6 ч. вечера в Цирке Никитиных Митинг Искусств. Тезис митинга: «Взаимоотношения грядущего нового театра и современной театральной культуры». Митинг состоится под председательством А.В. Луначарского. Мы очень просим Вас принять участие в этом митинге, сбор с которого пойдет на оборудование вновь открывающейся столовой Дворца Искусств. В митинге примут участие: А.И. Сумбатов-Южин, В.И. Немирович-Данченко, согласие которых уже получено. Намечены к приглашению: К.С. Станиславский, В. Полонский, Балтрушайтис, С.М. Волконский, Фриче, В. Шершеневич.

Не откажите в любезности дать ответ с посланным.

Остаюсь уважающей Вас

<Е.В.>Гольденвейзер³².

Посылаю Вам письма, присланные на наш адрес для Вас.

Белый присутствовал, о чем есть запись в «Ракурсе к дневнику» за декабрь 1919 г.: «Участие в вечере “Дворца Искусств”» [Белый 2016, с. 454]. Помимо того он возобновил сотрудничество с Рукавишниковым и Луначарским, договорился о новом курсе лекций «Культура мысли» в начале 1920 г. Всего в январе и феврале по вторникам и субботам он прочел шесть лекций. Лекция 24 января была посвящена «Философии культуры» [Белый 1999, с. 488–530]; в «Вестнике театра» также анонсировались выступления 7, 24 и 28 февраля³³ (последние два не состоялись — Белый уехал в Петроград). В течение этого и следующего года Белый интенсивно разрабатывает проблематику феноменологии культуры, не только основанную на традициях немецкой классической философии, но и опирающуюся на антропософию Штайнера как духовную науку о мире и человеке в переломную революционную эпоху. Относительной свободе выражения мнения способствовали и благоприятные внешние обстоятельства: открывшиеся «Академия духовной культуры» под руководством Н. Бердяева в Москве и «Вольная Философская Ассоциация» в Петрограде позволили писателю выступать с докладами на антропософские темы; в книгоиздательстве «Алконост» вышла его книга «Кризис культуры». Установка Белого на философский подход к проблемам культуры в революционную эпоху, его размышления о переломной эпохе Первой мировой войны и революции, наряду с циклом «Кризисов», в дальнейшем легли в основу фундаментального труда «История самосознющей души»³⁴. Следует отметить, что встроенная в историко-культурологическую концепцию Белого антропософская проблематика воспринималась слушателями как вполне уместная: антропософы относились к тем немногим представителям мистико-окультистских организаций в России, которые приняли революцию как ожидаемый этап исторической гегемонии славянства, где России отводилась ведущая роль в будущем духовном преобразовании мира и человечества [Майдель 1990], — парадокс заключался в том, что именно эти пункты сближали антропософов с позицией эсеров³⁵. Думается, здесь уместно

привести свидетельства писателя Б.К. Зайцева о встрече с Белым во «Дворце Искусств», состоявшейся, скорее всего, именно в январе 1920 г.:

<...> Он всегда был, с ранних лет, левого устремления. Что-то в революции ему давно нравилось. Он ее предчувствовал, ждал. Когда она пришла, очень многое в ней принял. В те годы (20–21) всего был ближе к левым эсерам, разным «Скифам» (как и Блок). Белый не так страдал морально от революции, как мы, и уживался с нею лучше. Всё же антропософия уводила его в сторону. Духовные начала движения этого уж очень мало подходили к уровню «революционной мысли», к калмыцкому облику Ленина. <...> Белый встретил меня очень приветливо, где-то вдвали, в своей комнате, выходявшей окнами в сад. Он был в ермолочке, с полуседыми из-под нее «клочковатостями» волос, такой же изящный, танцующий, приседающий.

Комната в книгах, рукописях — всё в беспорядке, конечно. Почему-то стояла в ней и черная доска, как в классе.

...Не то Фауст, не то алхимик, не то астролог. Очень скоро, конечно, разговор перешел на антропософию, на революцию. Может быть, с «убийцей Мирбаха» он говорил бы иначе, но со мной стал почти на мою позицию — тут помогала ему и его антропософия.

Теперь и доска оказалась полезной. Он на ней быстро расчертил разные круги, спирали, завитушки. Мир, циклы истории поспешно располагались по волютам спирали. Он объяснял долго и вдохновенно — во всяком случае, это было редкостью, менее всего заурядно, почти увлекательно. Белый вообще был отличный оратор-импровизатор, полный образности и красок. Но постройкой не владел — вообще всегда им что-то владело, а не он владел.

Разумеется, понял я четверть, может быть — треть, самое большее. Астролог же и эуритмик вытанцовывал неумоимо и убедительно. Надо даже сказать, что в соллогубовском этом доме не было в нем обычного иступления. Скорее фантастика успокаивающая. Снег синел в саду, скоро спустится зимняя московская ночь. Граждане выйдут воровать заборы. Иногда слышны будут выстрелы. Глаза Белого сияют, он откидывается назад, взор соколиный, в горле радостное клокотание м-м-м... На слушателя это хорошо действует.

— Видите? Нижняя точка спирали? Это мы с вами сейчас. Это нынешний момент революции. Ниже не спустится. Спираль идет кверху и вширь, нас выносит уже из ада на простор [Зайцев 1965].

Хлопоты Иванова-Разумника помогли Белому с отъездом в Петроград, где он сотрудничал с только открывшимся «Домом Искусств» и «Вольной философской Ассоциацией». В Петрограде писатель находился с 17 февраля по 9 июля 1920 г., в то же время лихорадочно изыскивая возможности выехать за границу для встречи с женой, Асей Тургеневой. Александра Чеботаревская упоминала в письме к сестре 1 апреля 1920 г.: «<...> здесь хлопотали и получили разрешение выехать А. Белый (первый по счету) <...> Разрешение на выезд за границу А. Белому достал <...> И.С. Рукавишников; т<ак> к<ак>

Белый сам хотя и много ходил, но по своей истеричности больше портил себе, чем двигал дело вперед» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 211]. Рукавишников и в самом деле принимал участие в судьбе Белого, насколько это было в его силах, в том числе выдал ему проездное удостоверение, позволявшее беспрепятственный проезд до Москвы летом 1920 г.:

Дворец Искусств при Нар. Ком. Прос. удостоверяет, что Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) вызывается в Москву для чтения курсов лекций «Художественное творчество» на курсах Дворца Искусств.

Дворец Искусств просит все Советские учреждения оказывать Б. Бугаеву всяческое содействие при получении разрешения на выезд и при получении проездных билетов от Петрограда до Москвы и обратно.

Заведующий Дворцом Искусств И. Рукавишников³⁶.

Едва вернувшись, писатель вновь оказался в стесненных жилищных обстоятельствах, и опять ему на помощь пришел Рукавишников:

Приехав в Москву, попадаю в разгром к Жуковским; часть материалов по «истории коллекций» прислужгой растащена; я — беспризорен. Рукавишников перетаскивает меня жить во «Дворец Искусств». Живу там на юру: меня делают членом Совета (раз в неделю заседаем: я, Рукавишников, Рачинский, Мейчик и не помню кто из художников); мне поручают там организовать «Археологический» Отдел, которого председателем я состою и веду заседания (я, Рукавишников, В.М. Викентьев, Рачинский, Эйсер, Бороздина, еще кто-то). Жизнь в «Дв<орце> Искусств» — юр и шныр людей; комната моя — захожий двор; по ночам читаю Льва Толстого и готовлюсь к переработке статьи в особую книжечку «Лев Толстой и Культура». Рукавишников отдает мне ключи к библиотеке; я привожу ее в порядок [Белый 2016, с. 461].

Московский реестр Андрея Белого, оказавшегося в июле-августе 1920 г. жильцом московского «Дворца Искусств», открывается участием 14 июля в диспуте на докладе Луначарского «О преемственности культуры» под председательством Г. Рачинского: «Мое введение к диспуту московского “Дворца Искусств” в театре Зон» [Белый 2016, с. 461]; помимо него перед докладом также выступали Вяч. Иванов, В. Эйсер и Н. Лавров. Впечатлениями от московского диспута Белый делился в письме Иванову-Разумнику 17 июля 1920 г.:

«Дворец Искусств» устраивает диспуты в театре «Зон»; на последнем диспуте «Преемственность Культур» было до 1000 человек народу (очевидно, они взяли пример с «Вольфиль», но до чего дух... не вольфильский!); публика — сера, малокультурна сравнительно с Петроградом; всюду — Луначарский, который говорит много, красиво, с успехом на какие угодно темы; на вышеставленную в программе тему говорили: В. Иванов, Луначарский, я, Эйсер, и... и... и... профессор Лавров... о резцах, бивнях,

мастерских природы вплоть до желудка (всё темы известные!); председательствует... Рачинский (!) — как же быть без него? <...> в Москве искони было два типа заседаний: под лозунгом «Караул» и под лозунгом «Ай-люли» [Белый 2016, с. 208].

В дневнике библиографа и историка русской поэзии И.Н. Розанова сохранилась запись о случайной встрече с Белым во «Дворце Искусств» в пятницу, 16 июля:

Часов в 7 пошел за хлебом во «Дворец Искусства». <...>

В это время мимо прошел Андрей Белый с какой-то дамой. Я поздоровался с ним. На обратном пути, когда он шел с ломтем хлеба из столовой, я сообщил Андрею Белому про «Урну»... — «Благодарю Вас, я уже достал ее, правда с невероятным усилием: мне подарили книгу, предварительно списав ее всю для себя». Когда я стал говорить, что он теперь может вознаградить бывшего владельца... «Благодарю, благодарю Вас» стал говорить А. Белый и так стал трясти руку, что кусок хлеба у него упал на землю.

Страна, где лучшие поэты за кусочком черного хлеба идут за несколько улиц!
О свободная Россия!³⁷

Июль и август были насыщенными и утомительными: живя в помещении сологубовского усадебного дома, Белый читает лекцию «Что есть мысль?», участвует в заседаниях Совета «Дворца Искусств» и ведет заседания историко-археологического отдела, в котором его выбирают председателем и делопроизводителем одновременно³⁸. 31 июля участвует в диспуте «Что есть бог?», организованном «Дворцом Искусств» в бывшем «театре Зон», — в программе объявлялась лекция А.Н. Тюханова, в прениях принимали участие Вяч. Иванов и Белый.

11, 20 и 27 августа 1920 г. состоялись три вечера Андрея Белого. Первое выступление, где писатель должен был читать отрывки из повести «Котик Летаев» и стихотворения, было отмечено скандалом:

После перерыва он должен был читать главы из эпопеи «Записки чудака». Но прежде чем приступить к чтению, он, волнуясь, стал говорить о тех невозможных условиях, в которые поставлен теперь он, как писатель: «Мне приходится быть лектором, учителем стихосложения, выступать на диспутах, но не писать. Не писать в то время, когда я осознал себя, пришел к делу всей своей жизни, к своим “Мертвым душам”, к своему “Фаусту”...» Он говорил еще долго, впадая в истерику. Было тяжело смотреть на него [Ашукин 1998, с. 203].

О том же — в воспоминаниях участницы поэтического кружка Вяч. Иванова, поэтессы Ольги Мочаловой:

Всех нас потрясло выступление А.Б. во Дворце искусств (году в 1920-м?). Он истерично кричал: «Надоело подтирать калоши пролетарским поэтам! Ничего они не по-

нимают! А что такое Блок?!» Он жаловался, забыв об объявленной теме лекции, что не может заниматься своим научным трудом из-за побочных обязанностей, насильно возлагаемых [Мочалова 2004, с. 32].

Упоминает об этом и Нина Серпинская:

Борис Николаевич Бугаев, умиравший от тоски по жене А.С. Тургеневой, отрезанной от него границей, тоже часто после стихов истерически кричал, ломая руки, что ему необходима поездка за границу. Лоб пророка напрягался склеротическими жилами; казалось, мысли, отягчающие натруженную голову, прорвутся через тонкую оболочку нервной кожи и стаями тяжелых, неизвестных птиц закружатся над нами. Его истерический крик сочился кровью, звучал трагедийно, искренно до предела [Серпинская 2003].

После скандала Белый был вынужден перебраться в квартиру антропософов Анненковых на Бережковскую набережную, однако его сотрудничество с «Дворцом Искусств» не прекратилось. Писатель и его близкое антропософское окружение возлагали большие надежды на историко-археологический отдел, дававший явную возможность открытой лекционной деятельности. Состав археологической секции был невелик — около 20 человек; в конце марта 1919 г. Белый записал в члены-сотрудники своих приятелей-антропософов: «Вписал А.С. Петровского и Т.Г. Трапезникова в историко-археологическую секцию» [Белый 2016, с. 673]. Другие антропософы — филолог М.П. Столяров³⁹ и художница М. Сабашникова уже участвовали в работе «Дворца Искусств»: Столяров являлся членом инициативной группы Лито, а Сабашникова — художественно-театральной секции, участвуя в художественных выставках. Можно предположить, что Антропософское общество заключило с Рукавишниковым договор о чтении в помещении «Дворца» лекций⁴⁰, пропагандирующих и поясняющих сущность антропософии; лекторами были выбраны Белый и М.П. Столяров. Конспекты этих лекций в архиве Белого не сохранились, публичные объявления поместили только «Известия» (о первой и последней лекциях цикла); сведения о них можно почерпнуть из дневниковых записей Белого. Темы прочитанных докладов по антропософской проблематике следующие: «Свет и тьма» (16 октября), «Человек и человечество» (19 октября), «Антропософия» (3 ноября), «Рудольф Штейнер» (13 ноября), «Иоанново Здание» (25 ноября) [Белый 2016, с. 262–263]. Не вполне понятен социальный состав аудитории этих докладов, ориентированных на популяризацию антропософии. Во всяком случае, участники антропософского сообщества всерьез строили планы на сотрудничество. Например, М. Сабашникова, узнав, что Белый выбран членом издательской редколлегии (в частности, планировалось издание коллективного поэтического сборника)⁴¹, пишет ему письмо с просьбой обустроить публикацию ее перевода сказки Гёте «Зеленая змея»:

Дорогой Борис Николаевич!

Рукавишников говорил мне, что Вы будете принимать участие в издательской группе Дворца Искусств.

Это было бы очень хорошо, это может стать единственным нашим убежищем.

Вот какое у меня к Вам дело, просьба. Я предлагаю издать Д<вор>цу Иск<уст>в Сказку Гёте (мой перевод), пишу большое предисловие.

Прошу Вас не только провести это там; но у меня еще такая идея. Если бы Вы, Столяров и Кл<авдия> Ник<олаевна> написали тоже статьи на тему сказки, у нас получился бы сборничек, куда влилась бы наша работа над первой мистерией, ибо всё, что можно сказать по поводу мистерий, можно сказать и о сказке.

Вы могли бы взять отдельные темы — близкие Вам вроде: «подземный и надземный храм», «змея и чаша». Столяров мог бы прекрасно написать философскую статью о «блуждающих огнях» и т.д.

Украсить можно эту книгу рядами заставок. Я бы привлекла к этой работе тонких художников, графиков, чтобы всё это имело более исторический, невинный характер. К Вашей статье могла бы я сделать рисуночки из мотивов Bau*.

Сказка у меня готова, предисловие пишу. В субботу у Вас во Дворце собрание лит<ературной> группы, надеюсь на Ваше содействие.

В четверг буду на Вашем докладе.

Маргарита С.

Вокруг сказки может кристаллизироваться сборник антропософский, нечто вроде «Эвоз»⁴².

Дальнейшее участие писателя в мероприятиях «Дворца Искусств» эпизодично. Белый оппонировал на лекциях М. Столярова: «Участие в прениях на диспуте ”Дворца Искусств” после реферата М. П. Столярова “Талант и общество”» (5 ноября) и «Председательствую на беседе М.П. Столярова от Антропософского общества в помещении ”Дворца Искусств”. Участвую в прениях» [Белый 2016, с. 725]. На протяжении осенних месяцев 1920 г. участвует в заседаниях Совета Лито; хронологически последняя из сохранившихся в фонде Белого повесток свидетельствует о том, что им были уплачены членские взносы и получен новый билет на 1921 г.:

Дворец Искусств

Билет № 413

Член Истор.-Арх. Отдела Искусств Б.Н. Бугаев (Андрей Белый)

на 2-е полугодие 1920 г.

Членский взнос на 1/1 1921 г. Р. 100 получен

Заведующий: Рукавишников

Секретарь:

Казначей: <Е.В.> Гольденвейзер⁴³.

* Bau (нем.) — здание. Имеется в виду Йоханнесбау или Гётеанум Р. Штайнера.

В 1921 г. «Дворец Искусств» был упразднен, и в здании сологубовского особняка расположился Главпрофобр, вскоре переименованный в Высший литературно-художественный институт (позднее названный именем В.Я. Брюсова). 3 августа 1921 г. Рукавишников еще раз приглашал Белого принять участие в новом образовательном подразделении:

Борис Николаевич, дорогой, здравствуйте!

Как живете Вы в Петербурге? Вероятно, веселее, чем мы.

Недавно возвратился я сюда из Туркестана. Самарканд — рай.

Курсы Дворца Искусств, слившись с курсами ЛИТО, преобразовываются в техникум литературный повышенного типа. С 1 сент. приглашаются новые лектора: Шпет, Сакулин, Гершензон, Арсеньев, Ушаков и др.

До меня дошли слухи о том, что Вы не прочь переехать в Москву. Об этом я сказал на собрании. Мне и поручили запросить Вас.

Есть слабая надежда, что этот техникум поместится в доме Дворца Искусств.

А читать Вам предлагают курс поэтики. Возможно, что я на неделях уеду из Москвы. Поэтому ответьте по адресу: ЛИТО Главпрофобра Брюсову Новинский бульв., 36.

А мне тоже напишите побольше о себе. Приветы мои Сологубу, Ремизову, Чуковскому и всем, кто меня не забыл.

Целую Вас,

Иван Рукавишников.

И, не дождавшись ответа, 23 августа пишет другое письмо:

Борис Николаевич, дорогой, здравствуйте.

Писал Вам недели 3 назад на адрес Дома Искусств. Если собираетесь в Москву на долгий срок, очень просим Вас читать поэтику на объединенных курсах б<ывшего> Дворца Искусств и ЛИТО. Об этом в том письме писал.

Что в Петербурге? Потрясла меня и нас всех смерть Блока⁴⁴.

«Дворец Искусств» был уникальным проектом, прочно связавшим универсалии Серебряного века и просветительские интенции советского государства. Философско-эстетическая и жизнотворческая установка русского символизма на синтез искусств — литературы, музыки, танца, театра — воплотилась в стенах особняка на Поварской. Культура революционной эпохи во многом ориентировалась на построение модели идеального государства, которая восходит к утопическим концепциям прошлого; особенно популярной была модель «города-государства» Томмазо Кампанеллы, напоминавшая по своему внутреннему устройству структуру идеальной социалистической коммуны. Теперь, столетие спустя, «Дворец Искусств» представляется нам таким воплощенным утопическим идеалом города-коммуны Кампанеллы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 5.
- ² Правда. 1919, 28 февр.
- ³ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 1.
- ⁴ Извещение: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316 — машинопись.
- ⁵ Реферат этой лекции впервые опубликован Э.И. Чистяковой [Белый 1990].
- ⁶ Извещение: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316 — печатное на бланке Дворца Искусств, на обороте штемпель: 25 марта 1919 г.
- ⁷ Отчет полностью публикуется нами в Приложении.
- ⁸ Известия. 1919. № 205, 29 марта.
- ⁹ Частично: [Литературная жизнь 2005, с. 377].
- ¹⁰ Киевская лекция «Ритм и действительность» 28 февраля 1924 г.: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8об. — стенограмма Е.А. Жуковой.
- ¹¹ Последний курс был прочитан в ГЭКТЕМАСе Мейерхольда. Впоследствии Белый составил для себя список прочитанных лекций («Себе на память»).
- ¹² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 87
- ¹³ В РГАЛИ сохранилась машинопись тезисов этой лекции.
- ¹⁴ Записка на бланке Комиссариата по Просвещению рукой секретаря Дворца Искусств И.М. Мурашова.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 2 — автограф красными чернилами; адрес получателя: Садовая, д. 6, кв. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 2 — автограф карандашом.
- ¹⁷ Вечерние Известия. 1919, 2 мая.
- ¹⁸ Известия. 1919, 2 июля.
- ¹⁹ Известия. 1919, 9 июля.
- ²⁰ Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926), искусствовед и сотрудник Румянцевского музея (хранитель подотдела западноевропейской гравюры), один из ближайших друзей Белого, антропософ; сотрудничал в Наркомпросе (заведовал подотделом провинциальной охраны памятников искусства и старины [Кончин 1988]). Относительно недавно на одном из московских книжных аукционов продавался оттиск статьи Белого «Восток или запад» [Белый 1918] с дарственной надписью Трапезникову: «Дорогому и близкому Трифону Георгиевичу Трапезникову с чувством уважения и любви». См. воспоминания о Трапезникове: [Жемчужникова 1988].
- ²¹ Владимир Михайлович Викентьев (1882–1960), египтолог, сотрудник Исторического музея; Викентьев в 1916 г. издал «Собрание масонских предметов Российского Исторического Музея». Белый тесно общался с ним в послереволюционные годы. Викентьев был женат на сестре Михаила Сизова, друга юности Белого. Белый проживал в той же квартире, что и Викентьевы, снимая угол в квартире Сизовых. (См. о Викентьеве подробнее в статье Д.Д. Лотаревой в наст. изд.)
- ²² См. о нем статью Ф.Б. Полякова в наст. изд.
- ²³ Ср. в воспоминаниях Нины Серпинской о Боброве-лекторе: «Без кровинки в лице, одутловатом от сидения без воздуха над письменным столом, в пенсне над близорукими черными глазами, с красным ртом вампира, Сергей Бобров, ученый и волшебник, маг стихотворной формы, с беспощадной жестокостью будет клеймить всякое ритмическое отступление неопытных новичков» [Серпинская 2003].
- ²⁴ Известия. 1919, 24 июля.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316.
- ²⁶ Нягу (Neagu) Жан (Иван) Михайлович — скрипач, капельмейстер, композитор.
- ²⁷ Скорее всего, в газете неверно воспроизведена фамилия исполнителя — «Климен»; вероятно, речь идет о певце и поэте Климове (Гришечко-Климове) Аристархе Михайловиче

(1890 — после 1966), в эти годы — посетитель и участнике «Кафе поэтов» [Спасский 1931, с. 34; Спасский 1940, с. 110–111]. Не исключено, что понятие «звукопластика» — переиначенное выражение «словопластика», придуманное Василием Каменским.

²⁸ Известия. 1919, 2 июля.

²⁹ Известия. 1919, 7 авг.

³⁰ Этот «инцидент» упоминается и в статье А.В.Лаврова, но, к сожалению, также не поясняется: [Лавров 2011, с. 98].

³¹ Николай Георгиевич Машковцев (1887–1962), искусствовед, музейный работник; затем профессор, член-корреспондент Академии художеств СССР.

³² Елена Владимировна Гольденвейзер (1881–1958), двоюродная сестра пианиста и композитора А.Б. Гольденвейзера; в те годы была секретарем «Дворца Искусств».

³³ Вестник театра. 1920. № 54, 24–29 февр. С. 13.

³⁴ Полное издание в настоящее время готовится в серии «Литературное наследство».

³⁵ См. статью Д.О. Торшилова в наст. изд.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 653. Карт. 4. Ед. хр. 3. Л. 3–4.

³⁸ См. публикуемые нами материалы заседаний отдела.

³⁹ Михаил Павлович Столяров (1888–1937), философ, литературовед, переводчик, антропософ; в московском отделении Антропософского общества вел группы по изучению трудов Штейнера; был репрессирован. Ср. о нем в воспоминаниях М.Н. Жемчужниковой: «Но я затрудняюсь что-либо сказать о нем, так как странным образом у меня не было с ним никакого “контакта”: что бы он ни говорил — в Обществе или на лекции, — я его просто не понимала. И вовсе не из-за какой-либо особой сложности или “заумности” его слов — это как раз не могло бы меня отпугнуть. Он говорил как будто просто, но меня начинало неудержимо клонить ко сну. Иногда, особенно на собраниях в Обществе, это было сущей бедой: все усилия уходило на то, чтобы неприличным образом не заснуть. <...> Он был несомненно очень авторитетным членом Антропософского Общества, одним из “старших”, даже не имея ореола личного знакомства со Штейнером» [Жемчужникова 1988, с. 23].

⁴⁰ Ср. как обозначает Белый эти лекции в реестре «Себе на память»: «Лекция от Антропософского общества» [Белый 2016, с. 725].

⁴¹ Это издательское начинание так и затихло, вышла лишь книга стихотворений И. Рукавишниковой в 1919 г.

⁴² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 2–2об., б.д.

⁴³ Там же. Ед. хр. 316.

⁴⁴ Там же. Л. 1, 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашукин 1998 — *Ашукин Н.* Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.

Белый 1918 — *Белый А.* Восток или запад // Эпоха. № 1. М.: Альциона, 1918. С. 161–210.

Белый 1990 — *Белый А.* Пути культуры / Подгот. текста, публ., предисл. Э.И. Чистяковой // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 91–94.

Белый 1999 — *Белый А.* Душа Самосознающая / Сост., вступ. ст. Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. 560 с.

Белый 2015 — *Андрей Белый.* Теория художественного слова. Творчество речи (набросок лекции) / Публ. Е.В. Глуховой и Д.О. Торшилова // Живое слово: логос — голос — движение — жест: Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2015. С. 138–148.

Белый 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические

своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Белый — Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. 736 с.

Валентинов 2000 — *Валентинов Н. (Н. Вольский)* Два года с символистами / Предисл., примеч. Г. Струве. М.: XXI век — Согласие, 2000.

Глухова 2011 — Глухова Е.В. Лекция Андрея Белого «Жезл Аарона» // Миры Андрея Белого / Сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград: Изд-во филол. ф-та, 2011. С. 57–83.

Глухова 2015 — *Глухова Е.В.* Мифология Солнечного града в работах Андрея Белого революционного периода // Сб. «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М.: Индрик, 2015. С. 146–169.

Евстигнеева 1996 — *Евстигнеева А.Л.* Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца искусств) // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 116–140.

Жемчужникова 1988 — *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о московском антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Историч. альманах. Вып. 6. Париж: Atheneum, 1988. С. 7–53.

Жуков 1985 — *Жуков Ю.Н.* Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 гг. М.: Моск. рабочий, 1985. 208 с.

Зайцев 1965 — *Зайцев Б.К.* Далекое: Воспоминания. Washington: Inter-Language Literary Associates, 1965. 201 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_02_andrey_belyj.shtml (дата обращения: 17.10.2017).

Кончин 1988 — *Кончин Е.* Революцией призванные: Рассказы о московских эмиссарах. М.: Моск. рабочий, 1988. 254 с.

Красная Москва 1920 — Красная Москва: 1917–1920 гг. М.: Гос. образцовая тип., 1920. 744 стб.

Лавров 2011 — *Лавров А.В.* «Прекрасный рыцарь Парсифаль»: М.И. Сизов — корреспондент Андрея Белого // Параболы. Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad / Ed. by N. Bogomolov, L. Fleishman, A. Lavrov, F. Poljakov. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. С. 65–99.

Литературная жизнь 2005 — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с.

М.З. 1916 — *М.З.* «Драма жизни» (На лекции Андрея Белого) // Утро России. 1916. № 298, 25 окт. С. 6.

Майдель 1990 — *Майдель Р. фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сб. XI. Тарту, 1990. С. 67–81.

Мочалова 2004 — *Мочалова О.* Голоса Серебряного века: Поэт о поэтах / Сост., предисл., коммент. А.Л. Евстигнеевой. М.: Мол. гвардия, 2004. 304 с.

На митинге искусств 1919 — [Б.п.] На митинге искусств // Вестник театра. 1919. № 18, 4–5–6–8 апр. С. 6.

Немов 1915 — *Немов А. [Топорков А.К.]* Идея славянского Возрождения. М.: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915. 60 с.

Серпинская 2003 — *Серпинская Н.* Флирт с жизнью: Главы из «Мемуаров интеллигентки двух эпох» / Публ., вступ. ст. и примеч. С. Шумихина // Наше наследие. 2003. № 65. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6505.php> (дата обращения: 15.10.2017).

Спасский 1931 — *Спасский С.* Парад осужденных: Двухголосая повесть. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 172 с.

Спаский 1940 — *Спаский С.* Маяковский и его спутники: Воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1940. 160 с.

Февральский 1976 — *Февральский А.В.* Записки ровесника века. М.: Сов. писатель, 1976. 392 с.

Ходасевич 2006 — *Ходасевич В.Ф.* Некрополь / Сост., вступит. ст. Н.А. Богомолова. М.: Вагриус, 2006. 444 с.

Хоружий 1992 — *Хоружий С.С.* Русь — новая Александрия: страница из предьстории славянской идеи // *Начала*. 1992. № 4. С. 17–48.

Цветаева 1992 — *Цветаева А.* Воспоминания о писателе Иване Сергеевиче Рукавишникове // *Цветаева А.* Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. С. 53–68.

Приложение 1

Spectator <Б.Н. Бугаев>

ИЗ ХРОНИКИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ. «ДВОРЕЦ ИСКУССТВ»

В Москве начал свою деятельность «Дворец Искусств», возникший при Комиссариате Народного Просвещения; задание «Дворца Искусств» широки; в нем, по мысли А. В. Луначарского, пересекаются отделы Комиссариата; в нем — точка встречи искусств; во «Дворце Искусств» 4 отдела: литературный, художественный, музыкальный и историко-археологический. «Дворец Искусств» устраивает литературно-музыкальные вечера, лекции, рефераты, дискуссии; он открывает филиальные отделения в провинции; в настоящее время намечены таковые Отделения в Нижнем Новгороде и Костроме; предполагаются отделения в ряде крупных провинциальных центров; в инициативную группу «Дворца Искусств» вошел ряд художников, поэтов, музыкантов и беллетристов, как то: И.С. Рукавишников, В.И. Иванов, Г.И. Чулков, М. Криницкий, Андрей Белый, М.В. Сабашникова, Юон и др. В скором времени предполагается ряд курсов; в ближайшее время откроют свои курсы: М.О. Гершензон по русской литературе пушкинского периода, Андрей Белый («Теория художественного слова»), И.С. Рукавишников («Литературные беседы»), А.К. Топорков («Каллистика»).

Деятельность «Дворца Искусств» обещает быть интересной. Литературный отдел открыл ряд рефератов и собеседований; первое вступление в беседу взял на себя И.С. Рукавишников на тему «Я, мы, вы»; к сожалению, составитель хроники не присутствовал на этой беседе.

Вторым референтом выступил Андрей Белый с темой «Пути культуры».

Вот тезисы беседы: —

— Понятие «культура» отличается необыкновенной сложностью; легче определить понятие «наука», «искусство», «быт»; культура — цельность, органическое соединение многих сторон человеческой деятельности; проблемы культуры в собственном смысле возникают уже тогда, когда сорганизованы: быт, искусство, наука, личность и общество; культура есть стиль жизни; но не бессознательное, а — осознанное; культура определяется ростом человеческого самосознания; она есть рассказ о росте нашего «Я»; она — индивидуальна и универсальна одновременно; она предполагает пересечение индивидуума и универса; пересечение это и есть наше «Я», единственно данная нам интуиция; культура всегда есть культура какого-то «Я».

«Я» культуры в себе мы не знаем; под «Я» разумеем обычно собрание чувственно-эгоистических импульсов нашей природы, или — абстрактное представление о «субъекте»; но проблемы «субъекта», «объекта» слагаются лишь в процессе сложения личности из примитивного коллектива, где нет еще личного «Я», а есть «Я» родовое; противоположение личности («субъек-

та») обществу, как носителю «объективных» начал культуры — субъективно; в обычном развитии субъективной культуры принимает участие сфера искусства; наука стоит же на страже критериев объективности.

Культура, непосредственно связанная с «Я» (с субъектом, а не с объектом), там зрела, где наука и искусство начинают призывать друг друга; так: культура — в Гёте, в Леонардо да Винчи; и нет ее в субъективациях крайнего импрессионизма, или в объективациях науки: в техническом строительстве промышленной жизни. Еще мы не созрели до умения пронизать нашу науку «стилем» высокой художественности; мы или фантазеры, или инженеры жизни, а не демиурги творимой действительности; к чистой культуре мы еще только подходим; она еще в процессе становления; и оттого-то не определима она в технических понятиях современной науки, разлагающей организм в ряды механизмов; между тем культура организует, связывает, восстанавливает, интегрирует; самое понятие о ней еще не интегрировано в нас.

Но история становления «культуры» в положенном смысле рисует красноречивую линию образования себя в «культурах» отживших эпох и народов, где культура в намечаемом смысле находится в зародышевом состоянии.

Первый этап зародышевой жизни культуры — теогонический процесс; теогонии Китая, Индии, Персии, Иудеи, Египта рисуют нам историю высвобождения из рода, быта, народа — сперва личности, потом «Я» личности; и наконец: соединение «Я» личности с «Я» Коллектива; и — далее: Космоса.

Если бы отыскать образ, живописующий культуру Китая, то этот образ сжимается в одно слово, в Тао; впоследствии, в оформлении Дао-Дзы, это Тао становится: *всем и ничем, единством и множеством; оно — везде и нигде*; это определение Тао есть прекрасная картина состояния сознания пра-китайца, у которого нет еще не только личного «Я», но и родового. «Я» как то, так и другое, еще не спустилось из космоса; сознание пра-китайца есть космос; оно не обособилось в теле; его тело — внутри космического мирового «Я» мира; и это «Я» функционирует в глухом подсознании тела; китаец блаженно спит в своем теле; и это состояние блаженного сна в более позднем периоде отпечатывается в философских оформлениях Дао-Дзы.

По древнейшим ведическим гимнам мы можем кое-что подсмотреть в состоянии сознания древнего индуса; в нем космическое неразделенное «Я» уже протянуло как бы свои лопасти, но не в личность и даже не в род, а в касту; есть уже «Я» касты, но нет еще «Я» личности; космическое «Я» уже затуманено мороком тела касты, заслоняющим древнему индусу старинное солнце; и лишь в вещающих Риши звучит голос внеиндивидуального «Я»; само сознание индуса напоминает воронку; его глаз видит не вовне, даже не внутри себя, ибо еще «само» индуса есть транспарант, сквозь который просвечивает «само» касты, в свою очередь пропуская сквозь себя вещание миров зывающих, вопиющих, но не глаголющих Риши. Впереди, перед собой «око» индуса еще не видит чувственного мира в его конкретности, но лишь дым морока, Майю; позднейшая философия мира, как Майя («Веданта»),

покоится на физиологическом ощущении Майи; Майя — физиологична для индуса; индус — раздвоен; картина мира двойится в его двойном зрении, смешивающем впечатления, идущие извне с впечатлениями, идущими из космоса сквозь «Я» касты в его кровь; в более поздних раскрытиях философия Индии лишь формально преодолевает дуализм, ставя знак равенства между Атманом (Духом сознания) и Браманом (Духом мира). Культура Индии пронизана пассивною двойственностью стояния в точке пересечения безличного сознания с безличным миром; она не знает еще борьбы; в ней нет чувства времени.

Если мы сопоставим с этой культурой древнеперсидский период, то мы заметим: следующий шаг в процессе вrastания космического «Я» в Майю чувственных разделений; древний Перс желает покорить эту Майю; он ощущает ее, как покров, под которым прячутся духи тьмы, ведущие борьбу с духами света; Майя для Перса заколебалась и ожила; его «Я» еще не ощущает своей самостности, он ощущает себя, как арену борьбы света с тьмой; свет врывается в тьму, тьма врывается в свет; его «Я» — плоскость трения, или — борьба; так пассивный дуализм Индии переходит в активный дуализм более поздних теорий (Ормузд, Ариман), определяющих культуру Персии; появляется впервые время; а с ним — история; откровения позднейшего Заратустры черпаются уже из исторической борьбы света запада (Ирана) с тьмой востока (Ураном); Майя индуса здесь, в борьбе, как бы распаивается; и — прорастает в Египте, где Майя есть Матерь-Земля, Плодородье, Изиды, рождающая Горуса (младенческое «Я» личности, отражающее «Око» Озириса).

В Иудее мы видим дальнейший рассказ о вrastании космического «Я» в плоть жизни; сначала Иудей ощущает свое «Я» в роде; для него «Я» есть «Я» рода и Бог открывается сквозь кровь: («Я» — Бог Авраама, Исаака, Иакова; и потом уже Бог «имярека»); как для египтянина всякий есть в роде Озирис, так для иудея всякое «Я» — в Аврааме; и сквозь него в Ягве-Элогиме; в Моисее видим реформатора, отрывающего иудея от древнего «Египта» культуры и повествующего о грядущем Боге, которого имя есть «Я»; это «Я» есть грядущий Мессия; обетование о личном бессмертии есть *то новое*, что входит в сознание в теогонической стадии формирования культуры.

Те же стадии по-иному пробегает и Греция; сперва в ней видим мы период до-человеческих змееногих титанов; «змееновость» древнего грека есть укавание на хвост, соединяющий его с прошлым; как в Иудее личное «Я» живет в потоке крови, хлынувшем от Авраама до «имярека», так в Греции личное «Я» есть хвост змеи, протянутый в прошлое мифической действительности; и лишь потом появляется младенец-герой, удушающий змеев; этот младенец есть впервые рожденное сознание личного «Я», противопоставленного роду; орудие отсечения «Я» от рода есть впервые возникновение в Греции абстрактной мысли; этот период крепнущего личного сознания и эгоизма характеризует VI-й, V-й век; личность впервые обособляется; в Греции возникает впервые социальная проблема в нашем смысле, противопоставляющая

буржуазную культуру (культуру эгоизма) культуре сельских коммун; этот рост эгоизма и личности окрашивает последние столетия теогонического периода культуры, где она прорезывалась под покровом «культы».

Личность начинает противопоставлять себя обществу, «субъект» — объективному «коллективу», оба стремятся к «гипертрофии»; «субъект» личности раздувается то в громадного эгоиста в чувственном смысле («богача», «собственника»), то выдувается, как пузырь, из чувственной оболочки субъекта сознания; «объект» коллектива чувственно распухает в громаду Римской Империи и одновременно защищается от трения личностей стальными абстракциями права; чудовищным смещением абстрактного единства объекта с чувственным единством личности является сперва: римский кесарь, потом папа; против государственного Канона, смешанного с произволом единой личности, поднимает главу гуманизм, в котором живет смутное ощущение «Человека» (с большой буквы); здесь, в одновременных концепциях индивидуальной утопии человека, как храма Космоса и храма человечества, как организма всех в одном («*civitas solis*» Кампанеллы), встречаются первые прорезы культуры в собственном смысле, снимающей противоречия личности и общества, субъекта и объекта в «Я» собственно, которое не есть «Я» личности, а — одновременное пересечение «Я» коллектива, «Я» мира и «Я» человека; но эта интеграция культуры не удастся: гуманизм вырождается в буржуазную культуру наших дней, где искомое пересечение мира, Бога, коллектива и личности в индивидуум «Я» полагается в личности, только в личности: в «субъекты» Вандербильдов и Рокфеллеров, отраженных современной наукой и философией с ее учением о границах познания, со всей системой заборов, перегородок и надписей «*interdit*», отчего противоположное устремление культуры (другая ее половина) дезорганизует индивидуум «Я» в систему неживых механизмов, в «объективность» экономического материализма; в борьбе двух абстракций культуры «Я» (социализм с ложным идеализмом) обнаруживается весь компромисс традиционного правосознания.

Всемирно-исторический смысл культуры в органическом сочетании коллектива и личности, а не в смешениях того и другого; сочетание «субъективного» с «объективным» переходит в «слиянье» лишь в подлинном осознании «Я»; самосознания «Я» еще нет в нашей жизни; оно в уразумении, что «Я» есть точка пересечения мира и личности, человека и Бога, коллектива и индивидуума.

Борьба экономического материализма с идеализированным фетишизмом есть борьба коллектива, не осознавшего себя индивидуумом («Человеком» с большой буквы), с материальным идолом, надевшим маску идеала; те и другие подменяют понятие «идеал» понятием «капитал»; одни, обобществляя капитал, не видят, что обобществляют; другие, спасая «идеал», спасают собственный «капитал»; одни под «духом» разумеют материю; другие — под «материей» разумеют «дух».

Материя уничтожена современной наукой, а «дух» выдохся, сморщился до «апперцепции» Канта; пора выбросить этот «дух» субъективного «Я» и понять, что материальные пункты суть центры сознаний, что мир, что природа — живой, социальный организм, что «Я» наше «Я», — организуя множества сознаний; и одновременно — атом тела Индивидуума Вселенной (личность, свободно вышедшая из своих границ, *индивидуализируется* в коллективе, а коллектив организуется в личностях, а не где-то между ними).

Раз в истории «Я» поднимало свой подлинный голос; и это было «Я» Христа: христианство — религия самосознающего «Я» — противопоставлено как всем культам, так и всей «*некультурице*» современного буржуазно-атеистического строя; но в истории христианства мы видим лишь «мимикри» дохристианских культур; история христианства — история детских болезней; борьба с христианством есть борьба одной половины нехристиан с другой половиною; для каждой — другая половина есть роковое «alter Ego».

Культура есть христианство: христианство — религия самосознающего «Я». Таков взгляд на культуру Антропософии: культура есть Антроподицея, сочетающая Теодицею с Космодицеей. В уразумении этого — пути культуры.

А. Белому возражали А.К. Топорков и Г.И. Чулков. А.К. Топорков [укоряет А. Белого] подчеркивает, что точка зрения Белого странно переключается как с крайними революционными течениями, возводящими веру в коллектив [до Теократии] до культа, до церкви, так и с реакционнейшими течениями исторической жизни; реакция интерферирует здесь революцией, революция — реакцией; то — слышится голос Новалиса, то — Жозефа де-Местра; в правосознании современных государственных представлений Европы, так и в логике Конта — преодоление этого опасного смешательства; нет, — логики, побольше логики Конта; и — побольше «отсталого» правосознания.

Г.И. Чулков отмечает революционизм точки зрения Белого, в которой самое христианство в истории — лишь «момент эволюции; этот мистический эволюционизм», исповедуемый кучкою дорнахских «*строителей храма*», лишь сегодня кажется парадоксальным; точка зрения Белого есть правда завтрашнего дня; он скоро покорит мир; но тогда-то вот на нее и восстанет кучка рыцарей, истинных революционеров, ставших под знаменем Христа Страдавшего и Погребенного, не отказавшихся от безумия и тайны Голгофы; нерв борьбы двух культур будущего — в трении «мистического эволюционизма» с «мистической революцией».

Андрей Белый, отвечая Топоркову, заявляет, что он не приемлет смещения Жозефа де-Местра Новалисом, но и не приемлет срединных устоев европейского парламентаризма; переключка же его позиции с реакционерами от «Теократии» просто факт, наблюдаемый в парламентах, где часто крайняя левая фракция при голосовании остается сидеть вместе с крайне правой, когда встает центр; что же касается логики Конта, то он именно, став на точку зрения логики, желает быть логичнее Конта, ибо логика Конта подчас грешит против логики, собственно перепутывая понятия субъекта и объек-

та, отчего у Конта субъект — объективен и пуст, а объект — субъективен, но содержателен; такая подмена производит досадные следствия в установке акта познания (докладчик иллюстрирует свою мысль на примерах несообразности иных мест *аналитики*).

Отвечая Чулкову, докладчик отрицает «эволюционизм» своей точки зрения; обыкновенно эволюция поднимается линейно; между тем: точка зрения докладчика на «эволюцию» вкладывается внутрь революции; можно говорить об эволюционных периодах, заключающихся в процессе остывания революционной лавы; каждый культурный период в этом смысле — отрезок между двумя катастрофами; но и «революция» есть лишь периферическое определение «эволюции», т.е. вложение духовного импульса в скважины выветренной эпохи; «революция» определяет негативно Дух Времени; она-де — динамитный патрон, взрывающий мертвый пласт; позитивное определение революции: она — прозябание семени импульса, дающего росток и ростком разрывающего сухую свою оболочку; оппонент односторонне противопоставляет эволюцию революции; оба понятия — маски «субъективизма» и «объективизма»; нет ни революции, ни эволюции: есть Энтелехия «Я» мира жизни в мир жизни; это «Я» — «Я» Христа; катастрофа мира есть неузнанная благодать пресуществления; так трагические разрывы общественных механизмов (государств) и «его» личностей (смерть личного сознания) есть рост Христа («Я») в нашем самосознании; [символически] знаменательно, что один из языков (именно немецкий) употребляет монограмму J.Ch. (Jesus Christus) для обозначения «Я» (немецкое «Ich»); в «Я» же личности «Я» собственно распинается как на перекладинах страстного креста; наоборот: разрываясь в нас, наше личное «Я» (становясь из Ich — J.Ch.) приемлет тайну Голгофы в центре самосознания; «безумие» Голгофы есть осознанный закон роста нашей свободы; когда я себе говорю «Я», то я разумею: Не Я, но Христос во мне; в антропософии, обнаруживающей эту тайну культуры, не умаляется христианство, а — ширится; одновременно: ширясь, оно становится впервые — глубинной книгой, вписанной в самосознание наше; в этом — тайна искупления Христом нас: наше «Я» пресуществлено уже в своей глубине; антропософия вскрывает это.

27 марта во «Дворце Искусств» состоялось собеседование. Докладчик А.В. Луначарский сделал вступление к собеседованию на тему: «Абсолютный покой Бога, как основная ошибка мистиков». Вот содержание этого интересного вступления: —

— одно из основных жизнеощущений еще на заре человеческой мысли гласит нам: есть истинный мир, не этот, в котором я чувствую себя неудовлетворенным, не могущим найти удовлетворения, в котором мне присущее чувство счастья растерзано переменою мигов во мне; этот миг меня не удовлетворяет; изменяясь, изменяет он мне; неохватные бесконечности перемен

его рвут меня; есть *иной миг*: и он — вечен; лишь в нем я могу утолить *иной мир*: и он — вечен; лишь в нем я могу утолить в совершенном покое довольства потребности, данные мне; уже в присущих мне чувствах и в связанном с ними стремлении удовлетворить эти чувства заложена громаднейшая проблема, потом восстающая в метафизических, философских и религиозных воззрениях человечества. История человеческих представлений о Боге — история превращения естественных человеческих чувств в ряд мыслей; но мир чувств развивается; представления, порожденные менее развитым мироощущением, не справляются с предстоящей сознанию бесконечной динамикой мира; и динамика эта преодолевается статикой; статической надстройкой над данностью жизни, в которой вся жизнь — ряд моментов — естественно упрощается в *один*, совершенный момент, — такую надстройкой является в точке возникновения философия *единства, покоя*, как сущности; и «Бог покоя» рождается: в сущности говоря, он является порождением одного только «мига»: «мига» удовлетворения; но удовлетворение удовлетворяет только лишь когда оно — точка среди темных миггов, лишенных удовлетворения; точка удовлетворения, превращенная в бесконечную плоскость, есть *tabula rasa*, ничто; бесконечное удовлетворение — абсурд; и философия покоя, порождающая «*Бога покоя*» в истории философии, приняв утонченные формы (как видим мы то в философии плотиновой мистики), в конце концов всё же разрешает себя в философии пустоты.

Требования удовлетворения потребностей ведут к концепции единого, сущностного и совершенного мира; впоследствии и познание, не умеющее сразу охватить многоликость явлений, уподобляется как бы тому тяжело мыслящему человеку, который, поставленный в сложное положение обстоятельств, как бы говорит обстоятельствам: «Стой!» и, — отвлекшись от сложности, принимается в построении абстракции упрощать загаданную проблему; так сложное древо действительности для простоты обстригается в бревно; философия элеатов является таким упрощением: переменчивый мир, мне представший, есть мир не действительный; фикция он, потому что рычаг перемен, свершаемых, или движение, есть иллюзия; так, летящая через пространство стрела пересекает в полете ряд пунктов; в каждый момент времени пребывает она в одном только пункте, т.е. в каждый отдельный момент пребывает она в неподвижности; но из суммы всех неподвижностей не составить движения; и — движение — иллюзия; есть покой; и нет перемен: многообразие перемен есть иллюзия; многообразия — нет: есть единство; единство же не бесконечно: конечно оно; так концепция единого, неподвижного, конечного, удовлетворенного в себе мира противопоставляется многообразному, подвижному, бесконечному и приносящему страдания миру; так рождается философия дуализма и трансцендентного мира; она есть конструкция познания, не умеющего справиться с проблемой, превышающей его; не удивительно, что мир, второй мир — это надстройка на одном лишь моменте (момент удовлетворенности) — и не может покрыть объясняемую им действительность.

Эта попытка создания истинно сущей, единой действительности, зарождающаяся в элейцах, впоследствии принимает утонченнейшие и великолепные формы у мистиков; но у Плотина мы видим, пожалуй, наиболее гениальную попытку разрешить терзающие противоречия брэнного мира в покое божественности; задача Плотина вывести из единства многообразия; протянуть лучи света, покоя в мрак тьмы; разумеется, у него «Бог Покоя» есть свет; и разумеется, свет не может не простираться во тьму (почему покой — свет, и почему не может не простираться во тьму он, — не ясно, но Плотину кажется, что это есть аксиома); все многообразие жизни есть различное проникание светом тьмы; под тьмою же Плотин разумеет материю; до дна не проникаема светом она; следовательно: проникание ее светом — иллюзия, или — отражение лучей от гладкой зеркальной поверхности; следовательно: она — едина, бесформенна, неподвижна; она — противопоставленная Духу, есть тот же покой; 2 покоя встают в мире мысли Плотина; и непонятно нам, почему наделяет он один покой, покой света, как бы знаком «+», а другой — знаком «-»; переменяв знаки на обратные, мы получили бы ту же картину; покой света Плотина, как и покой тьмы его, поскольку оба лишены дефиниции < — > суть нули: ноль+ ноль равен нулю; материя Плотина, противопоставленная «богу покоя» < > равна «богу покоя»...

Так в Плотине, величайшем из мистиков, трагически разрывается мистическая концепция: и «Бог покоя» является просто ничем — несуществующим Богом. В других отношениях Плотин является человеком, одушевленным пафосом активной мужественности; но метафизическое обоснование его философии нас ведет к культу пассивного, усталого, в себе заснувшего Бога. Бесконечное удовлетворение ведет к пресыщенности; пресыщенность есть усталость, спячка, смерть; «Бог покоя» есть мертвый Бог: Бог усталых, больных, у которых отваливаются руки.

Докладчик допускает законность религиозных представлений; но их идеал, Бог, должен быть положен не как стоящий позади убежавшего от него мира, не могущего к нему вернуться, а как живущий в мире, сопричастный ему; этот Бог есть «Бог движения», бесконечности, «Бог борьбы», трагической вечной игры, Бог изменчивый, вечно-юный, Бог юных и сильных; он — маяк, освещающий мир; и он — странник, страдающий в мире; концепция этого «Бога» признает его имманентным действительности.

Элементы «этого Бога» даны в религиозно-мистических представлениях человечества; и возникают они, сравнительно рано: уже в Древней Персии появляются черты Бога движения; но облик Его не вычерчен истории; «подчас он присутствует частью в философии покоя», рождая религиозные антиномии; но антиномии эти в истории религиозных представлений не разрешаются по существу; попытки разрешения антиномий ведут к жалким схемам вроде «все — ничему», «покой — движению» и т.д.

Печатью активности, близостью к искомой концепции действительности проникнуты философские искания Фихте; пролетариат еще ближе к разре-

шению этой задачи; он берет, как данность, многообразие мира, его динамизм, его борьбу в полной героизма концепции, где нет начинающего путь Начала (т.е. исходного Покоя) и нет Конца (т.е. конечного успокоения); религиозное мировоззрение это принимает бесконечность Пути, бесконечность борьбы; здесь — максимум динамизма; и — максимум героического трагизма; в символике экономического материализма разворачивается мировоззрение, ставящее задачу: творчески организовать и «*»* организуя, пересоздать вселенную.

Оппонировали А.В. Луначарскому В.И. Иванов, Г.И. Чулков, М.П. Столяров и Андрей Белый.

В.И. Иванов проводит подробно мысль о том, что докладчик умалил и односторонне затушевывал смысл религиозных антиномий; антиномия *«покой единства — движение множественности»* есть основная религиозная антиномия; смысл религии открывается именно во взятии антиномии; в ней, действительно, перекрещиваются две ипостаси Бога в третью Ипостась; антиномичность религиозных представлений присуща религии Греции (оппонент останавливается на ряде примеров); а учение об ипостасях является нервом понимания религиозной философии Христианства; оно связывает обе концепции «Бога», нарисованные докладчиком, в единство; и это учение о единой цельности есть учение христианской догматики, где Отец (Бог Покоя) соприсутствует в мире чрез Сына, страдающего и входящего в мир трагедии, многообразия, множественности и борьбы; учение об Ипостасях не есть рассудочная диалектика «бессильных умов», а осознание того. Что намечается нам еще в дохристианский период; следы этого учения оппонент нашел в элементах Эсхилова творчества.

Г.И. Чулков подчеркивает: у докладчика самая борьба антиномична; борьба взята, как путь; [между тем] *«как»* обожествляется, *«что»* отмечается; между тем борьбу определяет «что» за «что»; борются и реакционер и революционер; у докладчика реакционер равен революционеру; но и «у» реакционера и у революционера «что» борьбы есть трансцендентное единство; у первого она «прошлая гармония»; у второго — «гармония будущего». Во-вторых, докладчик принимает трагедию; но «трагедия» есть «трагедия» «*»* лишь постольку она ведет к просветлению; «борьба без просветления» есть борьба ни за что; она — бессмыслица; а «катарсис» есть уже единство, Покой; и принимая трагедию, принимает докладчик отвергнутый им Покой; самая концепция экономического материализма в транскрипции А.А. Луначарского глубоко мистична.

Докладчик, отвечая В.И. Иванову, замечает, что интеграция антиномии «покой — движение» в учении об Ипостасях намеренно не затронута им; она — глубоко интересна, но не с точки зрения основного разрешения, а с точки зрения посторонних, для мировоззрения побочных, причин; как метафизическое разрешение, она — жалка; это именно разрешение двух основных и, так сказать, кровных мировоззрений, — бескровными спекуляциями,

связывание тонкими нитками (все — ничему?) двух разноустремленных глыб; теологическая схоластика есть явление всяческого компромисса, — социального, этического, политического; это именно желание служить «и вашим, и нашим», и — новому миру, и — старому миру; в этом отношении Отцы церкви не интересуют докладчика; «еретики» вроде Оригена кажутся ему интереснее. Интересно, что получается с Ипостасями у гностиков; вторая ипостась, Сын, превращается в Демиурга, действительно и враждебно противопоставленного Отцу; Сын становится Богоборцем, врагом Бога: сотворяя мир, он как бы вырывает его, насильственно выхватывает из лона Покоя; это не вторая ипостась, а — Дьявол. Предестинирована диалектика подмены Сына Дьяволом.

Да, реакционер борется с революционером — отвечает далее докладчик Г.И. Чулкову; и в глубине глубин пафос реакционера, идущего умирать за свой идеал, бесконечно ближе революционеру тех, кто прилаживается к революционному строительству жизни; убежденный реакционер в пафосе борьбы есть брат по действию, по динамике, столкнувшийся с революционером в вихре действительности; борясь, даже уничтожая друг друга, они в пафосе действия трагически идентичны; смысл борьбы в динамическом проведении правды; и «правда права» — пафос действия; «катарсис» — только миг; за моментом «катарсиса» — новое напряженье новой трагедии.

Разрешенье трагедии в вечный покой не удовлетворяет докладчика.

М.П. Столяров соглашается с динамическим устремлением мировоззрения А.В. Луначарского; но мировоззрение это, поскольку оно выражается в понятиях, само становится «канонем покоя»; и — догматом; как таковое, как догмат, оно отрывает себя от себя самого: становится прямолинейным и равномерным движением, равным инерции; в плюрализме, в многообразии опыта, динамизм обоснован; но обоснован и квиетизм; оба суть «догматизм»; многообразии догматов — многообразии расширения многообразия методов; множество мировоззрительных смыслов суть множество параллелей; динамизм есть одна из таких параллелей; мировоззрение в подлинно живом смысле есть гамма из «монотонных» строений; и — более: есть мелодия, построенная на гамме; поскольку философия динамизма себя очищает от примесей и поскольку себя защищает она в методическом ряде понятий, постольку же «динамизм» — динамизм; и поскольку он «догматизм», постольку он квиетичен; линия философии движения параллельна линии философии покоя; но линия равна линии; мировоззрение же живое — фигура, построенная на своеобразии пересечения линий; внешнее соединение линий движения и покоя клеймит справедливо докладчик; но подлинный динамизм — маятникообразный пробег через все догматические параллели воззрений; творческое соединение их в переработке, и — в органическом синтезе; такой синтез есть символизм; в образах, в символах, в мифах должны мы искать организацию многообразия мировоззрительных смыслов и единство; и нельзя препарировать символы мистики в рассудочных схемах;

такой препарат, если он производится мистиком есть абсурд; но такой препарат серьезно берется докладчиком; поскольку он его уничтожает — он прав; поскольку же он думает, что уничтожая его, он уничтожает жизненное ядро мистики, он — ошибается; все же, в уничтожение «статики» мистицизма глубоко прав докладчик; но тень религиозного символизма предопределяет его извне заключенное в понятиях мировоззрение.

Андрей Белый указывает, что ему трудно говорить «за» и «против» докладчика; места согласия ярко контурированы докладчиком; места возможного глубочайшего расхождения прозвучали в докладе, как бы под сурдинкой; не прозвучало отчетливо «,» допускает ли докладчик Бога, открывающегося во мне; все его выпады против трансцендентного Бога, т.е. «*Бога вовне*», Андрей Белый приемлет; соединяет его с докладчиком имманентизм его линии; и устремление к органицизму: мы должны организовать вселенную; т.е. выявить в ней организм, погребенный под ледяным покровом наших рассудочных «мировоззрительных» взглядов; но вот докладчик не раз в отношении к Богу допускает двусмысленное выражение: «говоря метафорически»; для Андрея Белого «*метафорический смысл*» и есть собственно смысл; смысл абстрактный, гносеологически себя упраздня «,» приводит к метафоре; логика в рассудочном смысле суть *ногти и волосы* на организме метафор, которые — существа жизни смысла; метафора — осуществленное соединение смыслов, о котором правильно говорил М.П. Столяров; она — орган организма действительности; в выражении «метафорический Бог» прозвучало [мне] А. Белому под сурдинкою линия расхождения его [моего] с докладчиком, потому что «*Метафорический Бог*» есть Бог собственно, не «Бог покоя», не «Бог движения», а — Бог, несоизмеримый с рассудочными понятиями движения и покоя, множества и единства. А. В. Луначарский берет не «бытие» или «небытие» Бога, а берет лабораторию возникновения наших «*понятий о Боге*» в крепнущих познавательных органах человечества; он берет «*фасон построения*», а не то, что рассматривается «построенным»; и модель «*Бога движения*» есть более совершенная модель, потому что она полагает линию моего касания Бога чрез мое «Я», и не выводит меня из меня вовне — вверх, где меня ожидает «абстрактное единство» вместо «Духа», или вниз, где меня ожидает чувственность вместо Материи. Интуиция «,» соединяющая Дух и материю «,» мне дана: она есть мое «Я»; «Я» — единственная интуиция; ее присутствие во мне есть факт действительного бытия «*Бога*»: дух и материя, «субъект» и «объект», будучи познавательными расщепами «Я», порождают лишь мертвых богов; порождают лишь мертвые истины; к числу таких истин относится «*всеобщая*», «*универсальная*», «*объективная*» истина; такой истины — нет; истина есть индивидуальное прорастание истины в «Я»; из множества «Я» растет множество «*истин*»; организация истин, связь истин, встающая из процесса творения истин, связывает эти «Я» в «Я» всего человечества; это «Я» и есть голос Бога, ведущий нас, свой народ, сквозь пески Аравийских пустынь. Действительность, Истина, Бог — не даны нам ни в

мире, ни в мысли; мир и мысль суть расщепы; суть две половинки действительности, соединяемые в акте познания; в акте познания осуществляется нами Действительность, Истина: Бог живой восстает перед нами в одеждах из творческих волн, нами поднятых.

Мистика — мощный фактор рождения мысли; она — питательный желток будущего цыпленка, который есть наше «Я»; самостоятельной значимости не имеет она; космогонии — внутренняя оболочка яйца; пока «Я» — зародыш, он видит над собой небо «Теории»; восстав из яйца, «Я» стоит на скорлупах разбитого неба; соединение «Я» и «Бога» происходит в этот момент («Я и Отец — одно»). Мистика, пока она, как желток, питает зародыш, она — динамична; если же она строится, как мировоззрение, она — пустая скорлупа; такую скорлупую является не только «мистика», «теология», но и современная философия; и она стоит под мертвым знаком трансцендентизма и дуализма; и в ней — «покой смерти». Перед окрепшим «Я» возникает задача впервые отворить действительность и в творчестве познать. Как была некогда сотворена действительность нашего «Я»; в опознании этом опознание «Я» (большого), действующего сквозь меня; это второе «Я» — Бог: *Бог Живой*.

Организация есть сочетание всех «Я» вселенной чрез внутреннее опознание сквозь творчество в себе «Я» мира; учение об этом «Я», взятое в одном разрезе, есть антропософия; взятое в другом разрезе — христианство; плоскости разрезов — подобны; антропософия — христианство; но христианство в истории есть история детских болезней; так определяет историю христианства Рудольф Штейнер.

Докладчик соглашается с А. Белым в том пункте, где он конструирует свою «индивидуальную истину»; он, докладчик, под истиной не разумел готовой, всеобщей, рассудочной истины; соглашается он с А.Белым и там, где у него из организации индивидуальных истин возникает «коллектив истины» (истинный коллектив); это и есть организация социальной идеологии, строящей *истину духа времени*; может быть чрез сто лет она будет иной уже; но борец, участвующий в процессе создания ее, должен уметь за нее умирать; в сущности в нашем «Я» звучат многие голоса индивидуальных истин «Я». Действовавших до нас; в нас — целый парламент: происходят голосования, отбор мнений; в истине нашего «Я» не содержание истины индивидуально, а — связь содержаний; все, что А. Белый говорит об истине — приемлемо и веско; но в процессе осознания своей позиции. Как позиции христианской, он запутывается; что у него общего с христианством? Свою позицию противопоставляет он историч<ескому> христианству: надо сказать — всему христианству; желая отделить «*свое христианство*» от христианства вообще — называет он его «арелигиозной религией»; но это не выход из противоречия, а скомпрометированный историей способ выхода; это и есть пресловутая спекуляция понятиями (все — ничему), которой касался докладчик; здесь у А.Белого немотивированный его исходным пунктом крутой поворот к философии усталых, слабых, пресыщенных: к мертвому «*богу*»

покою». А второй гранью, отделяющей докладчика от А. Белого, является верность позиции последнего Рудольфу Штейнеру и оккультизму; «оккультизм» есть «*contradictio*»; здесь невыразимое членораздельно высказывается; и оттого высказываемое «оккультизмом» или жалко. Как пресловутые схемы Ледбитера, или беспомощно, или — выдуманно: оккультист в лучшем случае Тартарен; есть произведения, подобные Бхагават-Гите, где трудно высказываемое высказано в поэтических образах, но это — поэзия; оккультизм претендует на непрерываемость, а дает — бескровный догматизм и синкретизм; докладчик знаком с произведениями Штейнера; и они — не отличаются от произведений других «оккультистов»: рисуются румяные яблоки: берешь в рот, — и получаешь запах дыма и пепла во рту; впрочем, докладчик знает, что А. Белого не переубедишь в его отношении к оккультизму, который портит ему его самостоятельную позицию. Впрочем, здесь не место касаться деталей проблемы оккультизма.

КОММЕНТАРИИ

Печ. по: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 66 — автограф и гранки с авторской правкой. Статья представляет собой реферативный обзор выступления Белого во «Дворце Искусств» в начале марта 1919 г. и обзор выступления Луначарского 27 марта 1919 г., которые он воспроизвел в своем дневнике (см.: *Белый А.* Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. С. 673–683). Первая часть статьи по меньшей мере трижды переиздавалась под названием «Пути культуры»: Вопросы философии. 1990. № 11. С. 91–94; *Белый А.* Душа самосознающая / Сост., вступ. ст. Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. С. 531–536; *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст., коммент. Л. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 307–310. Данная публикация представляет собой полный обзор выступлений докладчиков — Луначарского и Белого — и воспроизведение дискуссий, возникших вокруг докладов. Не исключено, что Белый конспектировал доклад Луначарского и выступления оппонентов, либо ему было поручено стенографировать на заседании.

...вошел ряд художников... М.Криницкий... — Марк Криницкий (псевд. Михаила Владимировича Самыгина, 1874–1952), писатель, критик, один из соучредителей «Общества любителей западноевропейской литературы»; приятель молодого Брюсова.

...Юон... — Константин Федорович Юон (1875–1958), русский и советский художник, теоретик искусства.

... ряд курсов... Андрей Белый («Теория художественного слова»)... — курс лекций с таким названием Белый прочел в весеннем семестре 1919 г. в Пролеткульте; нет свидетельств того, что он читал такой же курс во «Дворце Искусств».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА Д<ВОРЦА> И<СКУССТВ>.

№ 1

1-го августа 20 года.

Присутствуют: В.И. Авдиев, Андрей Белый, Т.Н. Бороздина, Калинин, Г.А. Рачинский, И.С. Рукавишников, В.В. Эйснер.

Председательствует Андрей Белый.

Андрей Белый, открывая заседание, указывает на то, что В.М. Викентьев, [очень заинтересованный работой отдела] не может присутствовать по болезни; между тем: ему предложено вести переговоры [пригласить на предстоящее заседание] группу сотрудников Музея Института Классического Востока и О<бщест>ва Изучения Древних Культур [об участии и заседании]; со своей стороны Д<ворец> И<искусств> пригласил А. Дунаева, В.И. Иванова, Н.Г. Машковцева, Т.Г. Трапезникова, Г.А. Рачинского, В.В. Эйснера на предстоящие заседания.

Оглашается записка В.М. Викентьева «К вопросу о проблеме Археологического отдела Д<ворца> И<искусств>», в которой подчеркнута мысль о своеобразном задании Отдела (изучение древних культур под углом археологии, теории и истории искусства, [сравнительного изучения] религии, оккультизма и философии, помятуя, что отдел является частью Дворца Искусств, и, следовательно, помятуя, что методы работ отдела [является синтез] должны быть синтетическими, а конечной целью отдела — живой праксис вживания в древние культуры и творческое отображение их в искусстве); работа Отдела, по мнению В.М. Викентьева должна вестись в контакте с работой Музея — Институтом Классического Востока и Об-вом Изучения древних культур. [(Копия Записки В.М. Викентьева приложена к протоколу)].

В связи с оглашением записки возникает обмен мнений о плане работы Отдела.

Андрей Белый указывает на следующие задания: 1) организация публичных лекций и диспутов 2) организация [рабочей] студии, которая, по мнению В.М. Викентьева, должна распадаться на а) теоретическую б) практическую часть; в первой студийцы под руководством преподавателей знакомятся с древними культурами; во второй они учатся [in concreto] прилагать свои сведения на опытах театр<альной> постановки сцен из быта древних культур; теория должна соединиться здесь с практикой.

Эйснер. Нельзя создать картину древнего быта на основании археологического изучения; изучение должно вестись также путем ознакомления с альбомами эпох, что у нас было осознано в Академии художеств; практическая студия должна быть студией исканий; следует в этой последней избегать актеров, потому что актера [сперва] должно перевоспитать, прежде чем поручать ему историческую постановку (проблема жеста, мимики, походки и пр. изуча-

емой эпохи); теоретическая и практическая части должны быть отделены друг от друга, но работы должны вестись параллельно и одновременно с одинаковым составом участников: в первой путь от теории к практике (от изучения материала эпохи к постановке); во второй — обратно: от художественного вживания в эпоху к воспитанию в себе жеста эпохи; [к научному изучению]; теперь подходят к Египту со стороны искусства; все отделы Д<ворца> И<искусств> должны быть привлечены к работе Археологического Отдела.

Рачинский. Чтобы программа работ Отдела не рассыпалась в «град» курсов, следует ориентировать задачи Отдела вокруг задач Д<ворца>И<искусств>, т.е. связаться с работой театрального, музыканского, изобразительного и литературного отделов. Работы других отделов соединить с работой Историко-археологического отдела, как со своим историческим прошлым. Наш отдел — орган связи Отделов Д<ворца>И<искусств>; классическая филология выявляет смысл и дух многих явлений поэзии; прикладная археология также есть орган такого выявления во всех родах искусств. Выявление проблемы культуры есть задача отдела; он должен в ряде работ выявить живые аспекты истории культур.

Рукавишников: Необходимо обратить внимание на герметические науки и показать роль герметизма в истории культур (Рачинский: «И христианства!»). Кроме инсценировок, возможен ряд [концертов] исторических концертов (скоморохи, домры и т.д.), следует использовать для инсценировки концертов музеи; инсценировки театрального могут быть без слов.

[...]

В.И. Авдиев: Следует обратить внимание на древние религии, мистерии и их ритуал: мистерии Озириса и Изиды изучены и вполне поддаются постановке; мистико-магический элемент в мирозерцании древности должен быть подчеркнут.

Решено обратить самое серьёзное внимание на практическую работу отдела.

Собрание переходит к вопросу о лекциях.

Эйснер: предлагает соединить публичные лекции отдела с показательными мемурами на сюжет лекций, иллюстрировать их волшебным фонарем. Предлагает лекции о монастырских и других древностях на местах.

Рачинский, присоединяясь к идее устройства лекций, предлагает устройство лекций и диспутов по эпохам, чтобы серия их являлась введением в курсы.

Андрей Белый. Предлагает отправляться в этой серии от имеющихся лекторов; трудно найти лектора ассириолога, например, а египтологи у нас в изобилии (Эйснер, Бороздина, Викентьев, Авдиев); Египту придется уделить поэтому большее внимание; надо взять его разносторонне: например, Александрийский период Египта не должен быть забыт; В.М. Викентьев мог бы прочесть лекцию о «Книге Мертвых», Эйснер о связи египетского искусства с религией и т.д.

Собрание переходит к плану серии публичных лекций: предварительно намечаются следующие лекторы и лекции:

- 1) <В.В.В.>Воейков: «Памятники Индии».
- 2) Эйсер «Египет с религиозно-эстетической точки зрения».
- 3) Викентьев «О книге мертвых» (просить Викентьева).
- 4) Бороздина: «О египетском танце».
- 5) Авдиев. По какому-либо вопросу египетской религии и магии.
- 6) Эгейская культура (поручается переговорить с лекторами Бороздиной).
- 7) Греческая.
- 8) А.А. Сидоров. Раннее Средневековье (просить Сидорова).
- 9) <А.А.В.>Малинин. Ренессанс.

И.С.Рукавишников: предлагает следующие темы: 1) Диспут «О роли герметических наук в истории» 2) Лекция: «Астрология и алхимия» 3) Лекция: Херософия 4) Просить Дунаева прочесть лекцию «Костромское зодчество». Т.Н.Бороздина в будущем предлагает лекцию «О Пальмире».

Решено: [К следующему собранию выработать практические меры к осуществлению лекций] Сделать шаги к осуществлению лекций в ближайшем будущем.

По вопросу об устройстве курсов студии собрание высказалось положительно.

Рачинский: Для курсов нужно выработать требования: нужен остов программы; опасно разобратся; вместе с тем у нас максимум в неделю 18 часов; нужен строгий выбор курсов и лекторов. Нужен курс по культуре христианства; уже имеется курс Эйснера.

Рукавишников. Необходим курс по палеографии; он имеет значение для художников, которые часто выказывают [безграмотность] полную неосведомленность в вопросе о шрифтах; [конструированные курсы популярная палеография необход.] нужны элементарные сведения о клинописи, иероглифах и т.д.

Что касается до конструкции курсов, то следует их слить с общими курсами Д<ворца> И<скусств>; вырабатывается проект типа курсов (двухгодовые курсы); структуру курсов отдела следует приурочить к ним.

Эйсер: Студия Арх<еологического> отдела должна соединить курсантов всех студий, и кроме того: могут быть зачислены курсанты, специально изучающие древние культуры. Темы курсов должны выдвигаться жизненными потребностями, например: обуславливаться 1) составом лекторов 2) потребностями курсантов.

Высказывается опасение, что при такой постановке курсов они могут носить случайный характер.

А.Белый. [Тут другую точку зрения можно соединить] Для метода ведения курсов можно выработать примерную программу курсов. С группой курсов, [расположенных по программе], обнимающих многообразные культуры; но осуществить эту программу на первых порах не удастся; это — про-

грамма-максимум; программу же минимум можно вначале осуществить; она будет лишь частью программы-максимум; и обусловится 1) лекторами 2) живыми потребностями времени.

Собрание намечает желательные курсы этой программы-минимум: 1) Восточная культура 2) Доисторическая культура 3) Античная культура 4) Культура Христианства 5) Палеография; решено выбрать бюро для выработки программы курсов; желательно открыть 2-х годичные курсы отдела к 1-ому сентябрю.

Рукавишников предлагает выбрать президиуму часы приема по делам Отдела, помещение (комнату); надо выбрать из библиотеки книги, нужные для отдела, и сортировать их; отдел имеет возможность приобретать книги. Надо распределить функции работы для [ведения этих дел] успешного [увеличения] дела организации библиотеки.

Собрание переходит к обсуждению других функций отдела 1) устройства выставок 2) экскурсий.

Рукавишников. Подчеркивает возможность историко-археологических выставок?

Авдиев: присоединяется к этой мысли Бороздиной. Можно устраивать выставки на местах, т.е. в том или ином музее, организуя выставочные материалы музеев; ученики Тураева устроили так выставку египетских древностей.

Рукавишников. Легко устроить выставку по истории масонства с материалами по масонству и с докладами, читаемыми в помещении выставки.

Присутствующие указывают на место выставки: Румянцевский или Исторический музей.

Авдиев. Указывает на то, что В.М.Викентьев работал специально по истории масонства.

Белый указывает на <А.С.>Петровского.

Рачинский. Указывает на <Н.П.>Киселева.

Эйснер. Указывает на возможность собирать по монастырям предметы церковной старины или устраивать выставки; наши задания позволяют нам при Д.И. собрать музей;

Бороздина указывает на то, что эта роль — охрана памятников старины.

Эйснер. Но есть памятники, не нужные для Коллегии по Охране памятников; и нужных нам — для наших целей.

Идея выставок принята; идея постепенного собрания музейной коллекции принята тоже.

Поднимается вопрос об экскурсиях для раскопок: указываются Ташкент, Самарканд (Эйснер), Кавказ; [материальную] помощь и содействие может оказать Академия материальной культуры (Бороздина); но и под Москвой есть смысл производить исследования. Например, в Коломенском.

Малинин. Можно исследовать 3 дворцовых Храма в Коломенском; обследовать церковный архив; [в Коломенском], там — много документов; можно

сделать археологические прогулки по Москве, например [обследовать церковь] посетить церковь Василия Блаженного; священник храма имеет ряд [новых] сведений о церковной старине; он может прочесть доклад [о Соборе]. Охрана памятников не простирается на ряд монастырей; происходит порча ценностей; мрамор с кладбищем раскалывают и уносят: в Новодевичьем Монастыре испорчено и уничтожено много памятников. Можно совершить ряд прогулок с обследованием; например: посетить Екатерининскую пустынь (станция Бутово).

Эйснер: можно посетить Новый Иерусалим, Звенигород и т.д. Решено: обратиться внимание на прогулки.

Рукавишников предлагает издать книгу (сборник), посвященную истории дома, в котором помещается Д<ворец> И<скусств>, описание художественных и старинных предметов, в нем находящихся; книга должна быть иллюстрирована рисунками художников; воспроизведение предметов не удобно при помощи фотографии.

Ввиду позднего времени А. Белый предлагает приступить к выборам президиума Отдела и Секретаря. Собрание выбирает заведующим отделом А. Белого. Указывается на то, что В.В. Эйснер и В.М. Викентьев могли бы быть очень полезны Отделу в качестве помощников заведующего; предлагается выбрать двух помощников заведующего ввиду сложности и многообразия функций Отдела. Выбираются: В.В.Эйснер и В.М. Викентьев помощниками Заведующего. Предлагается Президиуму выбрать Секретаря.

Постановлено: Общее собрание членов отдела производить 1-го и 15-го числа каждого месяца; следующему общему собранию быть 15-го августа в 8 часов вечера.

Собрание закрывается.

План работы Историко-Археологического отдела «Дворца искусств»

(Приложение к протоколу заседания № 1).

Организационное Собрание членов Историко-археологического отдела формулировало следующие задания работ отдела:

I. Устройство серии публичных лекций и диспутов на темы по истории культуры, а также устройство эпизодических лекций, сопровождаемых ответственными инсценировками.

II. Устройство лекций, затрагивающих предметы старины в местах хранения предметов (в музеях, монастырях и т.д.).

III. Устройство исторических выставок и концертов.

IV. Обследование забытых памятников старины а) в Москве и в окрестностях Москвы б) в пределах Российской Республики.

V. Собрание старинных предметов художественной старины в Музее при Историко-археологическом отделе.

VI. Издание монографий и сборников.

VII. Организация серии курсов отдела в специальной студии по программе, выработанной избранной для этого Комиссией, а также организацию практических занятий студии (инсценировка картин древнего быта, мимодрамы, изучение жеста, походки, костюма, поз по альбомам и другим документам под руководством преподавателей).

I. Предложена серия публичных лекций по разным эпохам культуры (исторический период, Индия, Египет, Греция, Александрия, раннее и позднее Средневековье, Ренессанс и т.д.); предложены диспуты на темы:

1) «Роль герметизма в истории культуры»

2) «Значение культуры Востока для современности» и т.д.

Предложены эпизодические лекции о русской старине: 1) «О костромской церковной старине» (лектор Дунаев) 2) «О церкви Василия Блаженного в Москве» (лектор — священник церкви), 3) «О памятниках масонства» (в музейном помещении: при выставке масонских рукописей, предметов ритуала и т.д.).

II. Предложено устройство исторических пантомим и мимодрам.

III. Предложено устройство соответствующих исторических концертов (домры, скоморохи), сопровождаемых инсценировкой (костюм, мимика, жест), и историко-археологических выставок (в помещении музеев, а также в ДИ).

IV. Предложено в ближайшем будущем: а) обследовать ряд исторических мест Москвы и окрестностей (Коломенское, Екатерининская пустынь, Звенигород, Новый Иерусалим, Церковь Василия Блаженного) и организовать ряд прогулок к соответствующим местам; сделать предварительные шаги к ведению раскопок; б) в непродолжительном будущем подготовить почву для организации экспедиции на Кавказ, в Самарканд и т.д.

V. Предложено приступить к собранию коллекции старины для организации музея при ДИ; предметы коллекции должны быть подобраны под специальным углом зрения ДИ (т.е. под углом зрения художественным); предложено организовать охрану тех памятников, которые не находятся в ведении Коллегии по Охране Памятников.

VI. Предложено составить сборник, посвященный помещению ДИ (история дома, описание предметов инвентаря и т.д.), с соответствующими рисунками.

VII. Предложено организовать к 1-ому сентября серию двухлетних курсов Отдела в студии: программу курсов выработать специальной комиссии отдела, положив в основу желание Общего собрания, чтобы в программу курсов вошли бы следующие предметы преподавания: 1) Доисторическая культура 2) Восточная культура 3) Античная культура 4) Культура христианства 5) Палеография 6) Предложено соединить слушателей курсов других отделов в студии Историко-археологического отдела, а также присоединить к ним лиц, желающих специально изучать предметы курсов отдела.

Самую работу Студии разбить на 2 студии параллельные и с одинаковым составом участников: 1) на теоретическую студию 2) на практическую.

В первой вести занятия под углом зрения научной археологии; во второй под углом зрения искусства и художественного вживания в быт древних культур, конкретизировать изучаемые предметы показательными постановками (или отрывков древних памятников, или при помощи мимодрамы); желательно изучение быта древних культур по альбомам, костюмам и т.д.

Организовать при студии библиотеку из книг библиотеки Д<ворца> И<искусств> и из книг, вновь приобретаемых.

Выполнение пунктов программы поручено Президиуму отдела и имеющим возникнуть при Президиуме Комиссиям.

Историко-археологический отдел.

3-го августа 1920.

Состоялось заседание Президиума Историко-археологического отдела, посвященное рассмотрению ближайших шагов деятельности отдела. Помощником заведующего В.В. Эйснером был предложен следующий план деятельности отдела.

Поскольку Историко-археологический отдел есть отдел связи существующих 4-х отделов Дворца Искусств, постольку важно привлечение к работе отдела участников литер<атурного>, из<образительного>, муз<ыкального> и театр<ального> отделов. Для связи с музыкальным отделом В.В. Эйснер предлагает пригласить М.Н. Мейчика. А.Белый предлагает пригласить В.Д. Милиоти от из<образительного> отдела. В ближайшем будущем было бы важно дать ряд лекций на тему «Музыка и ее проблемы», посвященных характеристике муз<ыкальных> эпох с музыкальными иллюстрациями («Индия в ее мелодиях», «Еврейская мелодия», «Русские хоровые песни» и т.д.).

Вырешены следующие 3 курса в студии Ист<орико>-ар<хеологического> отдела: 1) курс, касающийся Востока (обзор восточных культур) 2) Палеография 3) «История величайших памятников литер<атурного> творчества». В последнем курсе предложено дать характеристику величайших памятников Восточного, Античного и Христианского творчества (Веды, Бхагават-Гита, Зенд-Авеста, Гаты, Книга Мертвых, Библия, Евангелие, Зохар, Сефер-Ецира, Гомер, Софокл, Орфические Гимны и т.д.).

А. Белый высказывает мысль, что курс этот не может провести один лектор: пусть будет он сводным курсом, составленным из лекций ряда лекторов, разобравших себе эпохи; президиум соглашается с этой мыслью; решено продумать систему лекций; среди лекторов намечены: Эйснер, Рачинский, Викентьев, Бороздина, Авдиев, Белый, В.Иванов, <В.О.>Нилендер, <В.В.>Воейков и ряд других уч<еных>.

Эйснер предлагает приступить к следующей программе деятельности: 1) использовать музеи для устройства прогулок по ним с соответствующими объяснениями в часы, закрытые для публики (войти в сношения с заведу-

ющими музеями) 2) завести волшебный фонарь и купить стекла для волшебного фонаря, продающиеся в Петрограде; решено просить заведующего Дворцом Искусств отпустить сумму на покупку стекол и поручить эту закупку В.В. Эйсеру; если будет возможность, приобрести «Эдиоскоп» 3) взять один из садов на Садовой и использовать его для зимнего спорта, соединив со спортом постановку сцен из северного (напр<имер>, эскимосского) быта. 4) летом и осенью организовать научные экскурсии в окрестности Москвы 5) организовать диспуты.

А.Белый предлагает приурочить к открытию Истор<ико>-археологич<еского> отдела выступление [диспут] в Театре «Зон» на тему: «Значение древних культур для современности». Участники выступления характеризуют различные культуры. Намечается следующая программа выступления: В.М.Викентьев: «Древний Кавказ», В.В. Эйсер «Египет и Вавилон», В.И. Иванов «Греция», А.Белый «Александрийский период», Рачинский «Нибелунги».

Решено: между выступлениями ряд музыкальных иллюстраций (из «Кольца Нибелунгов», «Орестей», «Аиды» и т.д.). Постановлено войти в сношение с М.Н. Мейчиком и просить его организовать музыкальную часть; войти в сношение с Е.М. Мейчик по делу устройства вечера на ближайшее будущее.

Кроме того, решено по предложению В.В. Эйсера в принципе устраивать наряду с лекциями и диспутами на темы о древних культурах, лекции и диспуты на естественно-научные темы, выявляющие связь между современными научными воззрениями и их отражением в древних космогониях и оккультных науках. Например: после лекций, затрагивающих древний научный быт Египта («Астрономия», «Биологические представления др<евних> египтян: зерно, хлеб» и т.д.) устраивать лекции [и диспуты] на темы: «Проблемы высшей математики», «Проблемы астрономии», «Проблемы биологии» и т.д. Для этой цели войти в сношение с учеными, могущими принять участие в этой линии работы отдела.

Решено: к ближайшему заседанию кружка выработать план сводного курса и серию лекций, перемежающихся с научно-популярными лекциями.

КОММЕНТАРИИ

Протоколы заседаний археологического отдела Дворца Искусств сохранились в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 31).

...В.И. Авдиев... — Всеволод Игоревич Авдиев (1898–1978), востоковед, египтолог, доктор исторических наук, профессор, затем — директор Института востоковедения АН СССР.

...Т.Н. Бороздина... — Тамара Николаевна Бороздина-Козьмина (1889–1959), египтолог, была ассистентом и помощником В. Тураева в Музее изящных искусств.

В.В. Эйсер... — Владимир Владимирович Эйсер (1876–1943), инженер, архитектор, художник.

...Копия Записки В.М. Викентьева приложена к протоколу... — записка Викентьева в фонде Белого не сохранилась.

...*Воейков: «Памятники Индии»*... — К сожалению, не вполне ясно, о каком Воейкове идет речь. Не исключено, что это Владимир Васильевич Воейков (1873–1948), архитектор, один из мастеров стиля модерн.

...*Малинин. Ренессанс*... — Лицо также остается неидентифицированным. Вполне вероятно, что это историк и археолог Александр Александрович Малинин (1869–?).

...*стекла для волшебного фонаря*... — аппарат, использовавшийся для проекции на экран изображений со стекол, на которые наносилось изображение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Отчет о деятельности «Дворца Искусств» за 1919–1920 гг.

Число записавшихся членов в 1919 году было 465 (в Театрально-музыкальном 140 ч., в Отд. ИЗО 170 ч. В Литературном 135 и в Историко-археологическом 20 ч.)

В июне 1920 г. Театрально-музыкальный Отд. был разделен на Театральный и Музыкальный отделы.

После перерегистрации членов, произведенной летом этого года, в каждом из отделов число действительных членов оказалось: в ИЗО — 95 ч., в Музыкальном 27, в Литературном — 66, в Театральном 33, в Археологическом перерегистрации не было.

Кандидатов: в ИЗО 58, в Музыкальном —, в Литературном 58, в Театральном — и в Археологическом 20.

Всего действительных членов во Дворце Искусств — 221.

Кандидатов 136. Итого членов 357.

Членские взносы на первое полугодие 20 г. сделали 183 члена, а за второе полугодие 88 членов.

В дополнение к Уставу Дворца Искусств в июле 20 г. было выработано Положение — ныне утвержденное о Дворце Искусств, рассматривавшееся в Художественном Секторе Н.К.Пр. по § 3 п.2 Положения Дворец Искусств управляется Комитетом, который составляется из председателей всех 5-ти отделов или их заместителей, под председательством Заведующего Дворцом Искусств.

Комитет с 21-го июня собирается еженедельно для обсуждения текущих дел Дворца Искусств.

Собраний вместе с экстренными с 21 июня по 31 декабря состоялось 33.

С 1-го июля 1919 года во Дворце Искусств открыты при содействии Лит.Отд. Д.И. курсы, на которых ежедневно читается от одной до двух лекций. В 1919 г. читали лекции следующие лекторы: <Ю.И.> Айхенвальд, <В.Н.> Карякин, П.<С.> Коган, Вяч. Иванов, <С.И.> Яхонтов, <А.К.> Топорков, <И.Р.> Эйгес, К.<Р.> Эйгес, <Г.А.> Рачинский, <В.М.> Волькенштейн, <А.А.> Сидоров, А. Белый, <С.П.> Бобров, <Н.Я.> Абрамович.

В 1920 г. читали следующие лектора и следующие курсы (данные с 22 марта 1920 г.):

<Ю.И.>Айхенвальд: «Этюды о русских писателях» (Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Фет, Майков, Полонский, Никитин, Кольцов, Некрасов, Блок, Бунин), «Этюды о западных писателях» (Ибсен, К Гамсун, Стриндберг, С. Лагерлёф, Р. Ролан) — всего 48 лекций.

А.Белый: «Философия культуры» и «Культура мысли» — всего 7 лекций.

<Т.Н.>Бороздин<а>: «Введение в археологию» — всего 5 лекций.

<С.П.>Бартенев: «Три пути в искусстве», «Лекции-концерты» — всего 6 лекций.

<В.М.> Волькенштейн: «Драматургия» (Разбор драматических произведений Ибсена, Шиллера и Шекспира) — всего 8 лекций.

<И.> Ермаков: «Орнамент», «Восточное искусство», «Экскурсии и картинные галереи» — всего 10 лекций.

М.<С.> Григорьев «Тройственный образ совершенства», «Философия Бергсона», «Интуитивизм и онтология Лосского» — всего 7 лекций.

М.<И.> Каган: «Художественная сторона Библии» — всего 3 лекции.

П.<С.> Коган: «Литература и общественность» (Ибсен, Гамсун, О. Уайльд, Пшибышевский, Бальзак, Л.Андреев, М. Горький) и «Пролетарская поэзия» — всего 22 лекции.

<А.> Лаврецкий: «Взыскующие благодати» (Тютчев) и «Пути творчества Тургенева» — всего 2 лекции.

<Д.> Петровский: «Верлен», «Бодлер», «Сюлли-Прюдом», «Роденбах», «Верхарн», «Метерлинк» — всего 10 лекций.

<С.М.> Волконский: «Декабристы», «Законы речи и правила чтения» — всего 8 лекций.

<Г.А.> Рачинский: «Гёте» — всего 29 лекций.

<М.П.> Столяров: «Введение в теорию литературной формы», «Общая теория Искусств» — всего 15 лекций.

<А.А.> Сидоров: «Введение в искусство итальянского Возрождения», «Города Италии» — всего 15 лекций.

<А.К.> Топорков: «Каллистика», «История гимназизма» — всего 15 лекций.

<В.Е.> Чепихин-Ветринский: «Поэзия Рабиндраната Тагора», «Муза Тургенева», «Глеб Успенский», «Чернышевский», «Конфликты русских гениев с интеллигенцией» — всего 12 лекций.

<А.А.> Шеншин: «Слушание музыки» — всего 21 лекция.

<О.В.> Цехновицер: «Божественная комедия Данте» — всего 7 лекций.

<В.В.> Эйсер: «История древнего Египта» — всего 6 лекций.

И.<Р.> Эйгес: «Искусство и сновидение», «Поэзия Козлова». Всего 6 лекций.

<С.И.> Яхонтов: «Русское общество 19 века в дореформенной литературе» — всего 28 лекций.

<С.В.> Шервинский: «Италия в русской поэзии» — 3 лекции.

Всего с 22марта 20 г. прочитано 296 лекций.

Всего записалось на курсы за 20 г. 96 человек. За оба полугодия 20 г. выдано 119 курсовых билетов по 50 руб. Посещают лекции около 30% записавшихся на курсы слушателей.

С 1-го января 21 г. курсы Дворца Искусств преобразуются в Научно-Художественные курсы с 2-х годичным курсом разделенным на 4 семестра.

В этих курсах в дальнейшем примут участие все отделы Дворца Искусств.

Программа курсов следующая:

- <Ю.И.> Айхенвальд: «Северная литература».
А. Белый: «Культура мысли».
<С.П.> Бартенев: «Философия музыки».
<В.М.> Волькенштейн: «Драматургия».
<М. С.> Григорьев: «Введение в философию».
М.<И.> Каган: «Художественная сторона Библии».
<В.Н.> Карякин: «Французская и бельгийская литература».
П.<С.> Коган: «Литература и общественность».
<А.А.> Сидоров: «История искусств».
<М.П.> Столяров: «Общая теория искусств в приложении к искусству слова».
<Л.Л.> Сабанеев: «Музыка и слово».
<А.К.> Топорков: «Основы средневекового мирозерцания».
<А.Г.> Рачинский: «Немецкая литература 18 века».
<О.В.> Цехновинцер: «Дант».
<В.В.> Эйсер: «Культура Египта».
<К.Ф.> Юон: «Семинарии по искусству живописи».
<С.И.> Яхонтов: «Революционное движение в России и его отражение в художественной литературе».

Слушатели избирают один главный и один дополнительный предмет, по которым сдаются зачеты в конце семестра.

Дворцом Искусств в течение 20 г. устроено 36 концертов с участием следующих артистов: <В.И.> Духовская, Ступин, Хор Кручина, <А.И.> Могилевский, М. Мейчик, <А.К.> Боровский, <К.Я.> Голейзовский, Куцын, <К.Е.> Антарова, Хор Пятницкого, <Н.А.> Орлов, <Е.А.> Бекман-Щербина, <А.А.> Борисяк, Л. Любошиц, <А.А.> Брандуков, <Ф.Ф.> Кенеман, <Н.Г.> Райский, <А.Б.> Гольденвейзер, <А.Н.> Дроздов, Миллер, Ф. Совицкий, Самуэльсон, <Г.Л.> Катугар, <К.Н.> Игумнов, <Ф.С.> Канцель-Пикок, <В.Р.> Пикок, Третьякова, <П.А.> Хохлов.

С декабря 1920 г. все исполнительные собрания Дворца Искусств находят-ся в ведении секции исполнительных собраний Дворца Искусств, в которую входят представители заинтересованных отделов.

В задачи секции входит также организация культурно-просветительных выступлений в провинции.

При содействии Литературного Отд. Дворца было организовано в 1919 г. 22 доклада и лекции, 5 дискуссий, 13 вечеров поэзии и литературы.

В 1920 г. состоялось 9 диспутов на темы: «Права индивидуализма», «Пределы материалистического мирозерцания», «О любви», «Что есть Бог», «Философия русской художественной прозы», «Поэзия 20 века», «Как быть дальше», «Об искусстве».

В диспутах принимали участие: А. Белый, Вяч. Иванов, А.<В.> Луначарский, <В.В.> Эйсер, <Г.А.> Рачинский, <А.Н.> Тюханов, М.<И.> Каган, <А.К.> Топорков, И.<С.> Рукавишников, П.<С.> Коган, <С.П.> Бобров,

<И.А.> Аксенов, <М.П.> Столяров, Гроссман-Рощин, Львов-Рогачевский, Г.<И.> Чулков.

Состоялось 30 вечеров поэзии и литературных с участием: А. Блока, Ф. Сологуба, Бальмонта, <Д.М.> Тархова, <А.С.> Рославлева, Б. Пастернака, Бор. Пильняка, Луначарского, Рукавишников, А. Белого, С. Городецкого, А. Ремизова, Ник. Ашукина, <В.М.> Волькенштейна, Скитальца, <Дира>Туманного, Р. Ивнева, Г. Петрикова, Эренбурга, <Н.Н.> Ляшко, Я.<Н.> Полонского, М. Герасимова, В. Шершеневича, А. Кусикова, Д. Виленского, Г. Сидорова, А. Наврозова, Б. Зименкова, И. Соколова, В. Шишова, С. Городецкого, <Е.Л.> Кум<м>инг, <И.А.> Аксенова, <С.П.> Боброва, <А.Я.> Мареева, <Н.Н.> Минаева, <Т.Г.> Мачтета, <Н.П.> Кугушевой, <В.А.> Ковалевского, <Н.Д.> Вольпина, <В.М.> Кисина, <М.Д.> Ройзмана и <Т.М.> Левита.

Состоялась 31 лекция и доклады: Г. Чулкова, <С.Г.> Волконского, <С.А.> Марголина, <С.Г.> Кара-Мурзы, <Н.?.> Поварова, А. Белого, <Л.Л.> Сабанеева, Антановича, <С.П.> Бартенева, П.<С.> Когана, <Н.С.> Лаврова, <Л.Д.> Теплицкого, <М.П.> Герасимова, И.<В.> Соколова, Мейрхольда (так!), Чешихи-на-Ветринского, Иосифа Эйгес, <М.О.> Гершензона.

В 1919 г. Дворцом Искусств издана XVIII книга стихов Ивана Рукавишников. В 1920 г. «Иван в Раю» А.Луначарского.

Вполне готовы к печати Первый сборник стихов Дворца Искусств и книга А.Ремизова «Царьградские сказания», к печатанию которых будет приступлено при первой возможности.

Отделом ИЗО Дворца Искусств организована:

1-ая Выставка картин и рисунков с 15-го мая по 15 июля 1919 г.

Участники выставки 42 человека:

<Б.М.> Боголюбов, <В.П.> Бычков, <С.В.> Герасимов, <А.А.> Голунов, <Е.В.> Гольдингер, <Н.> Григорьев, <Н.С.> Бом-Григорьева, <С.М.> Гузиков, <М.А.> Добров, <С.Э.> Домарадзский, <М.С.> Жевакина, <А.Н.> Златоврацкий, Ф. Захаров, <С.Т.> Коненков, <В.Н.> Костяницын, <Н.Б.> Кузнецов, <А.Ф.> Лавровская, <М.В.> Леблан, <Б.> Липкин, <Я.Н.> Милькин, <Н.С.> Моисеев, <М.> Павлинов, <П.> Потапенко, В.<В.> Потапенко, <П.П.> Свиридов, <М.В.> Сабашникова, <А.В.> Средин, <Н.Н.> Соболев, <Б.А.> Такке, <Л.Е.> Фейндберг, <М.Е.> Харламов, <Л.Н.> Хорошкевич, <Н.М.> Чернышев, <Я.Ф.> Шапшал, <М.Ю.> Бернгоф-Шапшал, <Н.А.> Швердяев, <С.С.> Шереметев, <Д.М.> Шохин, <К.Ф.> Юон, <А.А.> Ясинский, М.<С.> Рукавишников.

Вход на выставку бесплатный. Выставку посетило 3000 человек.

Продана 21 картина и рисунков на сумму 38.650 рублей. Картины приобретены музейным фондом, Румянцевским музеем и частными лицами.

2-я Выставка с 1-го мая по 1-ое июля 1920 года.

Участников выставки 39 человек:

<М.Ю.> Бернгов-Шапшал, <Н.С.> Бом-Григорьева, Арэфьева, <Н.К.> фон-Боль, <Б.М.> Боголюбов, <В.С.> Воронов, <И.С.> Блохин, <Н.Н.> Вышеславцев, <С.М.> Гузиков, <Л.Г.> Голова, <Н.> Григорьев, <С.В.> Герасимов, <С.Э.> До-

марадзский, <М.С.> Жевакина, <Е.А.> Кацман, Киприянова, <Р.И.> Котович-Борисяк, <Н.М.> Крашенинников<а>, <М.В.> Леблан, <Э.Э.> Лис<с>нер, <Я.Н.> Милькин, <В.Д.> Милиоти, <С.И.> Пичугин, Рахманов, <С.Т.> Коненков, <А.В.> Средин, <П.П.> Свиридов, <Г.А.> Лапшин, <О.Н.> Трубецкая, <М.Е.> Харламов, <Н.М.> Чернышев, <Я.Ф.> Шапшал, <В.Р.> Эйгес, <С.С.> Шереметев, <К.Я.> Голейзовский, <И.Я.> Иткинд, <В.Н.> Домогацкий.

Вход бесплатный. Выставку посетило 3072 человека. Картин и рисунков приобретено музейным фондом и частными лицами на сумму 429.000 рублей.

Выставка с правом выставлять картины уже бывшие на выставках. Участники — члены Дворца Искусств. Выставка открыта с 15 авг. по 8 октября 1920 г.

Выставку посетило 2500 чел. Продано картин частным лицам на сумму 75.000 рублей.

Вход на выставку бесплатный.

3-я выставка с 15 октября по 15 ноября 1920 г.

Участников выставки 30 человек:

<И.С.> Блохин, <Н.Н.> Выпеславцев, <Н.С.> Бом-Григорьева, <Я.Н.> Милькин, <С.В.> Герасимов, <М.В.> Леблан, <Н.> Григорьев, <С.М.> Гузиков, <М.Е.> Харламов, <С.Э.> Домарадзский, <Л.Г.> Голова, <С.С.> Преображенский, <М.С.> Рукавишников, Киприянов, <А.Г.> Якимченко, <А.В.> Средин, <О.Н.> Трубецкая, <В.Д.> Милиоти, Туржанская, <С.С.> Шереметев, <Н.П.> Крымов, <В.Н.> Яковлев, <Г.А.> Лапшин, <М.А.> Осоргин, посмертная выставка Б. Олейника.

Вход на выставку 50 руб. Выставку посетило 700 человек. Продано картин Музейному Бюро и частным лицам на сумму 225.000 руб.

За проданные на выставках картины в пользу Дворца Искусств отчисляется 10%.

Отделом ИЗО устроено 3 вечера, доходы с которых поступили в распоряжение ИЗО Дворца Искусств:

Вечер студии <К.Я.>Голейзовского, дал дохода 69810 руб.

Вечер <А.А.>Брандукова и <Ф.Ф.>Кенеман дал убытку 22650 руб.

Вечер <К.А.>Эрдели, <И.Я.>Коншиной, <Ф.Ф.>Кенеман и <Г.А.>Крейн дал убытку 1600 р.

Итого доход с трех вечеров.... 45.500 руб.

Расходы по устройству и организации выставок (печатание и расклейка афиш, доставка картин на выставку, жалование заведующему и секретарю выставки, оплата рабочих рук при развеске картин и разные мелкие расходы выразились в сумме 109.840 руб.)

В кассе Дворца Искусств в распоряжении ИЗО имеется на 1921 г. 25.370 руб.

Театральным отделом Дворца Искусств организована студия-лаборатория, имеющая целью дать возможность современным драматургам увидеть свои драматические произведения на сцене, а артистам и режиссерам найти новые пути при осуществлении на сцене этих произведений.

Смета студии подана на утверждение ТЕО и Наркомпроса.

При Дворце Искусств имеется столовая, которой могут пользоваться служащие Дворца Искусств, члены и лекторы курсов.

Столовая после перерыва возобновила свою работу 21 февраля 1920 г.

По 1 марта отпущено 1120 обедов, в марте 3050, в апреле — 3360, в мае — 4200, в июне 4550, в июле — 5200, в августе — 5760, в сент. — 7450, в декабре по 26 число — 6250. Обеды отпускались по 50 и 70 руб. в зависимости от количества накладных расходов на покупку провизии на вольном рынке.

Доход за 11 месяцев 1920 г. — 2.035.295 рублей.

Расход на приобретение продуктов, инвентаря, дров, поставку их и уплате жалования служащим столовой — 1.874.135 руб.

Остаток на 26/ХІІ — 161.160 рублей.

В октябре месяце 20 г. открыта Детская Колония Дворца Искусств, находящаяся в ведении «Охраны Материнства и Младенчества». Помещается она в Хлебном пер., д.17. Всего детей в колонии — 50. Из них детей членов Дворца Искусств 15 чел.

Финансы Детской Колонии не проходят через общую бухгалтерию Дворца Искусств. Управление Детской Колонией отдельно от управления Дворца Искусств.

С сентября мес<яца> во Дворце Искусств открыта небольшая аптека-амбулатория, которой могут пользоваться члены, курсанты, служащие Дворца Искусств и их семьи через двух врачей Галунова и Лифшиц.

По независимым от Дворца Искусств обстоятельствам в имении Дворца Искусств Голубое близ ст. Крюково Николаевской ж.д. не удалось организовать художественную школу и развить ту художественно-просветительную деятельность, которая предполагалась Дворцом Искусств. Ввиду этого большую часть прав на это имение Дворец Искусств переуступил Главлескому, и в распоряжении Дворца Искусств осталась часть помещения, которое летом 20 г. было использовано как место для отдыха членов Дворца Искусств.

В Голубом летом этого года было организовано одно выступление: лекция Вяч. Иванова «Искусство и Революция», привлекшая около 80 человек слушателей. Дворец Искусств не оставляет надежды в будущем году осуществить свои планы в Голубом.

Управление Дворца Искусств имело в виду создать большую сеть филиальных отделений по России, но Н.К.Пр. пока не разрешает открыть их как филиальные отделения, смета которых входила бы в общую смету Дворца Искусств и с управлением через Московский Дворец Искусств.

Но жизнь выдвигает необходимость этого плана — и теперь уже существует ряд Домов Искусств, взявших за образец устав и план Московского Дворца Искусств. Такие Дома Искусств находятся: в Петербурге, Саратове, Рязани, Ставрополе и Ялте.

Хотя эти Дома Искусств не могут официально считаться филиалами Дворца Искусств с настойчивой просьбой оформить их как филиалы, но

пока Двор. Искусств имеет возможность лишь давать им дружеские советы и оказывать небольшие услуги.

В самое последнее время получена возможность установить связь между отдельными Домами Искусств в форме федерации; к выработке устава которой и проведения его в жизнь будет приступлено в ближайшем времени.

Комиссия по устройству Красного Стадиона на Воробьевых Горах обратилась к Управлению Дворца Искусств с предложением о совместной работе с ней. Дворец Искусств на это охотно дал свое согласие.

Состоялись два собрания с представителями Дворца Искусств.

Дворец Искусств предоставляет свое помещение различным литературным, художественным и научным обществам и организациям для устройства заседаний и лекций.

Печ. по машинописи: ОР ИМЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2-6.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Литературный отдел «Дворца Искусств»
Список сотрудников и кандидатов на 10 октября 1920 г.**

Инициативная группа	Члены-сотрудники	Кандидаты в члены-сотрудники
<ol style="list-style-type: none"> 1. Абрамович Н.Я. 2. Ахрамович <В.Ф.> 3. Большаков К. 4. Бугаев Б.Н. (Андрей Белый) 5. Галунов А.А. 6. Епифанский А. 7. Журавлев В.А. 8. Зайцев П.Н. 9. Иванов П.Н. 10. Колобов <Г.Р.> 11. Карякин В.Н. 12. Копылова Л.Ф. 13. Крашенинников Н.А. 14. Лебедев В.Ф. 15. Лавровский Н.Ф. 16. Любимов-Маркус В.А. 17. Мурашев <П.В.> 18. Орешин П.В. 19. Пастернак Б.Л. 20. Пильняк-Вогар Б.А. 21. Ребрик Д.М. 22. Рукавишников И.С. 23. Стариковский Н.М. 24. Самыгин <М.В.> 25. Серафимович А.С. 26. Столяров М. 27. Тимофеев В.А. 28. Цинговатов А.Н. 29. Ходасевич В.Ф. 30. Шершеневич В.Г. 31. Ютанов В.П. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ашукин Н.С. 2. Ардов 3. Бальмонт К.Д. 4. Бобров С.П. 5. Бунин Ю.А. 6. Буданцев С.Ф. 7. Белоусов И.А. 8. Вешнев В.Г. 9. Волчанецкая Е.Н. 10. Гершензон М.О. 11. Есенин С.А. 12. Иванов В.И. 13. Коган П.С. 14. Кугушева Н. 15. Кусиков <А.Б.> 16. Кожебаткин А.А. 17. Лаврова К.Н. 18. Ляшко Н.Н. 19. Львов-Рогачевский В.Л. 20. Лобанов В.М. 21. Малишевский <М.П.> 22. Муйжель <В.В.> 23. Панов-Туманный Н.Н. 24. Петровский П.Н. 25. Павлович Н. 26. Пришвин <М.М.> 27. Решетов А. 28. Розанов И.Н. 29. Рачинский Г.А. 30. Топорков А.К. 31. Тардов В. <Г.> 32. Чешихин-Ветринский В.Е. 33. Чулков Г.И. 34. Шпет Г.Г. 35. Эйгес 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аристов-Даулич А. 2. Ашешов Н. 3. Бутягина <В.А.> 4. Бернер Н. 5. Волькенштейн В.М. 6. Виленский Д.Ф. 7. Вишков А. 8. Гиляровский В.А. 9. Гиляровская-Лобанова Н.В. 10. Гроссман-Рощин 11. Гуревич Л. 12. Елеонская Е.Н. 13. Ещик В.А. 14. Жилкин И.В. 15. Жилкина <З.А.> 16. Земенков И.С. 17. Ильина В.В. 18. Иванова А.И. 19. Курч 20. Кашин Н.П. 21. Королев <В.Л.> 22. Кнорре <Г.Ф.> 23. Колоколов Н. 24. Кузько П. 25. Коротков К.Г. 26. Марциновский <В.Ф.> 27. Марьянов <Д.И.> 28. Мешков Н.М. 29. Новоселов Н.Я. 30. Окунев Л.М. 31. Полонский Я. 32. Полтавский А.Н. 33. Рок <Геринг Р.Ю.> 34. Ройзман <М.Д.> 35. Розанов М.Г. 36. Скиталец С.Г. (Петров) 37. Тришатов-Добровольский <А.А.> 38. Тимофеев В.А. 39. Тюрин Н.Н. 40. Тюханов А.Н. 41. Хитрово Л.А. 42. Цехновицер О.В. 43. Цветаева М. 44. Чеботаревская А.Н. 45. Язвицкий В. 46. Яковлев А.С.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Мероприятия во «Дворце Искусств» в апреле–июле 1920 г.

- 17 апреля Концерт. Вечер старинной цыганской песни. Несколько слов о цыганах на тему: «Жизнь и музыкальное творчество» скажет Н.Н. Кручинин.
- 14 мая Вечер поэзии Александра Блока. Автор читает поэму «Возмездие» и стихи.
- 17 мая Ф.Сологуб прочтет отрывки из нового романа «Заклинательница змей».
- 18 мая Ф.Сологуб прочтет свои стихи.
- 20 мая «Вечер поэзии». Участники: <С.Ф.>Буданцев, <Г.Н.>Петников, Н. Павлович.
- 23 мая «Испанский вечер». Участвуют: Бальмонт, Куцын, Крюгер.
- 27 мая Юбилейный вечер Бальмонта. Объявлялось участие: Вяч. Иванова, И.С. Рукавишникова, М. Мейчика, Ф.Сологуба, <И.>Эйгеса и др.
- 29 мая «Итальянский вечер». Участвуют: Вяч. Иванов, <?>, Куцын, Обухов, Бенеффи.
- 31 мая Вечер поэзии. Участвуют: <В.И.>Шишов, Кугушева, Дубровина, Я. Полонский, <Н.С.>Лавров.
- 2 июня Вечер музыки и поэзии Дмитрия Тархова. Исполнение автора.
- 3 июня Ал. Рославлев читает пьесу «Посрамление Кедрилы»
- 4 июня Концерт Боровского и Горелова.
- 5 июня Вечер поэзии. Участвуют: К. <Н.>Лаврова, <В.И.>Шишов, Я. Полонский
- 7 июня Д.А. Щербановский. Воспоминания о Ге, Куинджи и Чистякове.
- 10 июня «Вечер экспрессионистов». Участвуют: <Б.С.>Земенков, <Т.М.>Левит, <С.Э.>Рексин, <Г.А.>Сидоров, Ан. Соколов.
- 11 июня Бор. Пильняк читает свои рассказы.
- 25 июня В 9 вечера концерт Пятницкого с крестьянами, по окончании вечер поэзии:
Тимофеев-<Еропкин Б.Н.>, <Ероцкой?>, Кугушева, Туманный, Мореев. Новые стихи.
- 28 июня Бор. Пастернак, И.Аксенов, С.Бобров. Читают новые стихи.
- 29 июня Георгий Чулков «прочтет о польско-русских отношениях в поэзии Пушкина, Тютчева и Хомякова».
- 29 июня Вечер по произведениям Рахманинова. В Малом зале Консерватории. С участием А.Брандукова и К.Н. Игумнова, Рудницкой, В.Р. Петрова и Самуэльсона.

- 30 июня А.В.Луначарский читает пьесу «Народ».
- 1 июля Диспут «Пределы материалистического мирозерцания». В театре Зон. Участвуют: Гроссман-Рощин, А.В.Луначарский, Вяч. Иванов, Г. Шпет.
- 13 июля. Лекция М.О. Гершензона «Мечта И.С.Тургенева»
- 14 июля. В театре Зон. Диспут «О преемственности культур». Принимают участие: А.В. Луначарский, Вяч. Иванов, А.Белый, Эйснер.
- 14 июля Б.Пильняк прочтет свои рассказы.
- 22 июля Доклад <С.Г.>Кара-Мурзы «Леон Бакст — его живопись и взгляд на искусство»
- 24 июля В театре Зон. Диспут «Права индивидуализма». Принимают участие: Гроссман-Рощин, Луначарский, Балтрушайтис, Иванов, Шпет.

**Расписание эпизодических летних лекций
с 27-го июня по 9-е июля <1920 г.> включительно**

- 27 июня Ю.Айхенвальд. «Шекспир».
- 28 июня А.А. Сидоров. «Экспрессионизм».
- 29 июня О.Цехновицер. «Фридрих Ницше и его влияние на современность»
- 30 июня Лекция-концерт Бартенева.
- 4 июля В.Карякин. «Социально-революционный романтизм 19-го века в Бельгии и его художественное свойство. Шарль де Костер».
- 5 июля А.А.Сидоров. «Экспрессионизм».
- 6 июля С.И. Арсеньев «Байрон, Шелли и Китс».

*Приложение подготовлено
по материалам фонда «Дворца Искусств» в ОР ИМЛИ РАН.*